

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРА

С. А. Капитонов

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ПАРАДОКС ГОСУДАРСТВ

Сергей Анатольевич Капитонов
Юридический парадокс государства
Серия «Теория и история государства и права»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10751552

Юридический парадокс государства / Капитонов С.А.: Юридический центр-Пресс; Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-94201-654-8

Аннотация

Работа посвящена вопросам развития и совершенствования научных юридических представлений о феномене государства посредством приведения доказательств его подобия явлению права. Теоретическое исследование юридических свойств государства позволяет существенно продвинуться в научном осмыслении содержания и соотношения понятий «государство», «право», «законный интерес», «государственная власть», «государственное гарантирование власти», «правопорядок», «обусловленность социально значимого поведения», «управляемая система», «правообеспечительное управление».

Следствием уточнения перечисленных понятий являются новые научные представления о сущности охраны прав и гарантирования законных интересов, проявляющих смысл юридической функции государства.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников правоохранительных органов.

Содержание

Государство и человек	5
Введение	9
Глава I	11
§ 1. Природа юридических признаков государства как область исследований	11
§ 2. Юридическая функция государства	18
§ 3. Распознавание проявлений юридического свойства государства средствами юриспруденции	22
§ 4. Юридическая наука как средство раскрытия гарантирующего потенциала государства	31
§ 5. Государствоведение как средство раскрытия юридических возможностей оптимизации правопорядка	45
§ 6. Государствоведение как область юридической практики	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Анатольевич Капитонов

Юридический парадокс государства

Редакционная коллегия серии «Теория и история государства и права»

И.Ю. Козлихин (отв. ред.), С. И. Бабурин, Ю.И. Гревцов, И.Х. Дамения, А.В. Ильин, И.А. Исаев, О.М. Карамьшев, Д.И. Луковская, А.В. Малько, М.Н. Марченко, А.В. Поляков, А. С. Смыкалин, Е.В. Тимошина, Р.Л. Хачатуров

Рецензенты:

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор

Елагин А.Г., доктор юридических наук, профессор

Государство и человек

Человек не живет вне государства. Государство невозможно без человека. Эти тезисы сегодня не подвергает сомнению ни один здравомыслящий человек. В связи с этим государство как сложное геополитическое образование всегда привлекало внимание исследователей.

Кажется, государство существовало всегда (хотя, конечно, это не так). За тысячелетия оно меняло форму и приобретало новые политические и экономические функции. Но вот уже достаточно давно оно по сути дела остается неизменным. Человек всегда стремился понять сущность этого феномена, и взгляды человека на роль и значение государства существенно менялись на протяжении столетий. Но вот наступил момент, когда и они – эти взгляды – перестали трансформироваться. Наступило какое-то «затишье», «застой». Однако в наше время, когда за какие-нибудь десять лет человечество проходит путь, который ранее занимал столетие или даже столетия, такой «застой» долго продолжаться не может. Да и сам темп развития внутригосударственных и межгосударственных отношений заставляет пересматривать то, что еще вчера казалось незыблемыми постулатами.

В связи с этим новый, оригинальный и (особо это подчеркну) научно обоснованный взгляд на проблему государства, на сущность государства очень необходим и теории, и практике государственного строительства.

Как-то так получилось, что собственно юридическая природа государства не подвергалась сколько-нибудь серьезному исследованию. Это считалось либо само собой разумеющимся и по этой причине не нуждающимся в самостоятельной проработке, либо просто излишним без какого-либо объяснения. И мы свыклись с таким подходом, принимая его за данность. А оказалось, что данности-то и нет.

С.А. Капитонов взял на себя смелость пересмотреть устоявшиеся подходы и, не совершая никаких революций и переворотов, предложил рассмотреть государство и все государственное устройство в совершенно иной плоскости. На мой взгляд, результаты превзошли все ожидания.

Автору удалось на достаточно ограниченном объеме рассмотреть множество актуальных для текущего дня вопросов: от юридических функций государства до обеспечения правопорядка и борьбы с коррупцией. Особое внимание автор уделил роли гражданского общества в системе государственной власти. У нас последнее время много говорят о роли гражданского общества, но при этом большая часть «говорящих» ограничивается общими фразами и не более того. Автор же предлагает вполне конкретные подходы, при реализации которых возможен кардинальный переворот в данной сфере (количество «говорящих» может уменьшиться почти само собой, а количество реальных дел может возрасти кратно). Это очень значимо для текущего момента, ибо гражданское общество – это не обязательно «добрые дела» и даже добрые намерения. Гражданское общество может быть злым и разрушительным. Достаточно посмотреть под этим углом зрения на те процессы, которые на наших глазах бурно проходят в странах Ближнего Востока. Хаос и разрушение господствуют там. И очень сильно ошибается тот, кто считает, что из хаоса однозначно вырастет нечто новое, прогрессивное, передовое. Из него может вырасти все что угодно, любое уродство. Дело в том, что свое добро, добро для себя вовсе не обязательно является добром для всех. И с этим надлежит считаться.

Поскольку исследование посвящено юридической стороне государства, постольку автор вполне естественно подразделяет всех юристов на юристов-правоведов и юристов-государствоведов. Если учесть постоянно растущую роль государства в современном мире при его очень быстрой динамике (и мира и государства), то такое деление следует при-

знать разумным и своевременным. Разумеется, речь идет не только о чисто теоретических проблемах, но и о сугубо приземленных. Например, специфика подготовки юристов-государствоведов. Это не должно никого удивлять. Ведь готовят же по-разному хирургов и терапевтов, и это никого не удивляет.

Вообще внимательное изучение предложенного автором текста волей-неволей наталкивает на совершенно новые проекты решений давно известных проблем. Например, буквально на первых страницах работы мы читаем: «Суть проявления юридического парадокса существующего ныне способа гарантирования правопорядка состоит в том, что стремление искоренить правонарушение основано на том, что правонарушение должно существовать и всегда предшествовать этому стремлению. Можно ли гарантировать, не опаздывая?». Любой криминолог скажет, что, конечно же, можно, если заняться серьезно профилактикой. Даже известный тезис о том, что мудрый законодатель предупредит преступление, дабы не быть вынужденным наказывать за него, вспомнит. С.А. Капитонов этот тезис не вспоминает (кстати, зря), а предлагает повернуть рассуждения в сторону государственных гарантий правопорядка, «которые могут быть предоставлены в виде правообеспечения и государственного гарантирования власти». Это совсем другой подход! Принципиально другой! Подход, выводящий теорию и практику, в том числе борьбы с преступностью, на новый уровень. Именно так в нынешних условиях следует толковать и приведенный выше тезис, не сводя его только и исключительно к профилактической роли закона.

Параграф первый главы второй начинается с простой и ясной фразы: «Государство – устройство, способное обращать человеческие ожидания в реальное благополучие». Звучит хорошо, понятно и, главное, приятно. Но уже второе предложение все расставляет на свои места: «Разумеется, в обмен на реализацию созидательных человеческих возможностей». Оказывается, надо работать, чтобы получить обещанное благополучие. Но даже на этом автор не останавливается, а жестко утверждает: «Процесс такого обмена сложен и долгов». Отступление от этих позиций ни к чему хорошему привести не может. За годы советской власти люди привыкли все возлагать на государство, при этом все меньше и меньше стараясь вкладывать своего личного в процесс взаимодействия человека и государства. Постепенно взаимодействие как таковое стало дисперсироваться, а потом и исчезать.

В свою очередь и государство через позиции чиновничества и руководства стало ощущать себя всемогущим, всеведущим и единственно способным принимать какие бы то ни было решения. Всякая инициатива объявлялась или признавалась по факту крамолой, а то и бунтом. Особенно наглядно это проявлялось в сфере хозяйственных отношений. Был практически полный запрет на любую предпринимательскую деятельность, а та, которая еще и оставалась разрешенной, была обложена всевозможными ограничениями. Даже нормальный дом нельзя было построить! Были жесткие ограничения по размеру, по высоте, по использованным стройматериалам, по насыщению бытовым оборудованием и пр. Система сама себя сделала нежизнеспособной и погибла.

Пришедшее на смену возвышение роли человека (даже не личности!) и принижение (до полного унижения) роли государства качнули маятник в другую сторону. Сегодня мы наблюдаем медленное саморазрушение того, что как бы стало выстраиваться. Если не вмешаться в этот процесс – произойдет обрушение с самыми непредсказуемыми последствиями. Многие говорят о распаде России, но это всего лишь одно из возможных последствий и не самое опасное для общества.

В связи с этим определение точной (относительно точной, исторически определенной) роли юридических свойств государства в современном мире чрезвычайно важно. Абсолютизация этих свойств, а равно их излишнее игнорирование может вновь привести к краху системы, какой бы она ни была. Примеров по обе стороны океана в наши дни хоть отбавляй. Это есть свидетельство того, что человечество переходит к новой форме самоорганизации. В

основу этой самоорганизации, видимо, должен лечь иной энергетический принцип в отличие от того, что действует сегодня. Поиски пути прохождения этого проблемного периода очень важны, и работа С.А. Капитонова – один из способов.

Нельзя не остановиться еще на одном принципиально важном для сегодняшней России вопросе. Речь идет о роли партий в современном обществе и в современном государстве. Во многом автор опирается на фундаментальную работу проф. Л.М. Карапетяна, работавшего последние годы жизни именно в этом направлении, с которым автор был знаком и неоднократно обсуждал эти проблемы, чему я был свидетель. Разумеется, используются и другие исследования.

Абсолютизация роли партий – крах государства. Игнорирование партий – деструкция общества. Как, а главное, где найти выход из этой ситуации. Поиски С.А. Капитонова кому-то помогут. Он правильно пишет: «Партия – не путь к власти, а путь к оптимизации всех наших возможностей, направляемых на реализацию всех наших ожиданий». Понять это может практически каждый. А принять? Как это «не путь к власти»? Вот здесь-то и начинаются настоящие проблемы, способные завести в тупик любые самые благие начинания. Наша партийная деятельность в нашем же парламенте породила невиданный доселе феномен – деструкцию правового поля. Это что-то вроде рубки сука, на котором мы сидим. И главное – невозможно добиться хоть какого-то ответа на простой вопрос: зачем вы все это мастырите (по-моему, самое адекватное слово для понимания сути происходящего)?

Это означает только одно: партии отошли от своего пути и занялись политическими играми. А партии, как пишет автор, «для того и нужны, чтобы отыскивать спасительные пути, рационально ведущие к обретению исторически необходимого удобства среды нашего обитания для всех нас вместе и каждого из нас в отдельности». Все остальное – от лукавого. Обратите внимание: для всех и каждого. Возможно ли это? На мой взгляд, да, но только в каком-то сегменте общественных отношений.

Когда-то давно князь Николай Сергеевич Трубецкой написал великолепную работу «Наследие Чингисхана», в которой совершенно по-иному, в отличие от современников, изложил свой взгляд на происхождение и на будущее Русского государства. В самом начале этой программной книги есть фраза: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории». Этот тезис работал не одно тысячелетие. Сегодня он постепенно, но неуклонно утрачивает свою актуальность. Например, в современной войне – даже локальной – исчезает понятие тыла. Тыл везде, где нет важных стратегических объектов. Значит, утрачивают свое значение такие понятия, как эвакуация, передислокация и пр. А некоторые (например, маскировка) приобретают совершенно новое содержание.

Новые коммуникации и новые возможности человека нивелируют географические особенности того или иного государства с точки зрения возможности его влияния на мировые процессы. В качестве примера можно привести возрастающую роль в мировой политике маленького латиноамериканского Эквадора (предоставление политического убежища Ассанжу – всего лишь маленький штрих в общем курсе). В связи с этим будет правильным утверждать, что всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда выполняет свое юридическое предназначение адекватно требованиям современности. Будем надеяться, что изыскания проф. С.А. Капитонова будут услышаны и использованы надлежащим образом.

Работа написана живым, полемическим языком, постоянно призывающим читателя к дискуссии, заставляющим думать и осмысливать прочитанное и происходящее, сопоставляя их и делая свои собственные выводы. Рекомендую прочитать всем заинтересованным в жизни людям.

Ю.В. Голик,

доктор юридических наук,
профессор
20 августа 2012 г.

Введение

Как известно, парадокс – скрытая истина, а юриспруденция – теория и практика соотношения с мерой. Как могут быть связаны с явлением государства и между собою данные утверждения? Если эти вопросы Вам, уважаемый читатель, интересны, попробуйте поискать ответы на них в раскрытой Вами книге.

Человек и окружающее его пространство постоянно обмениваются своими возможностями. Этот процесс жизненно важен для человека. Поэтому он заботится о гарантиях своего постоянного участия в нем. Окружающее человека пространство представляет собою частично явления природы, а частично – взаимоотношения с другими людьми. Более того, отношения с другими людьми опосредуют для человека его обменные связи с окружающим пространством. Со временем – все чаще.

Всякий обмен имеет две составляющие. В процессе обмена каждая сторона всегда что-то берет у другой стороны, а что-то отдает взамен. Это суть любого обменного процесса. Нет сомнений в том, что поддержание определенного соотношения между отданным и взятым в процессе обмена является важнейшим условием его существования. Поддерживать обмен – значит полезно брать и полезно отдавать. Если только брать, то возможности обмена будут скоро исчерпаны. Равно, как и в том случае, если только отдавать. Результат обмена будет неутешительным и в том случае, если одна из его составляющих будет постоянно не соответствовать другой. Например, отданное постоянно будет меньше взятого, или наоборот. Это значит, что непререкаемым условием обмена всегда будет равновесие между обмениваемыми возможностями человека и окружающего его пространства.

Государство и право появились и существуют как способы уравнивания обеих составляющих обменного процесса. Очень важно, что обмен обеспечивает необходимое качество отдаваемого и возвращаемого. И это – не какая-то единовременная акция, а совокупность одномоментного сосуществования множества обменов, пребывающих на разных стадиях.

Возможно, такое равновесие и есть существо справедливости, проявляемой и поддерживаемой юридическими средствами. Возможно поэтому Фемида и взяла в свою руку весы.

Упорядоченность, гарантирующая такую справедливость, – высший смысл устройства государства. В нем заключено исчерпывающее юридическое предназначение взаимоотношений каждого человека и всего человеческого сообщества, устроенного в государство. Содержание этих отношений – адекватный своему предназначению обмен возможностями между человеком и окружающим его пространством. Его проявление посредством реализации возможностей государства и права и есть предназначение государственности.

Справедливость в своей высшей юридической сущности представляет собою обменное равновесие, обеспечиваемое посредством государственной упорядоченности. Причем такого равновесия, которое не только сохраняло, но и развивало бы обменные возможности человека и окружающего его пространства. Такое представление о сути государства открывает путь к пониманию объективности существования и значения юридического подобия явлений государства и права. Регулирование и поддержка, вместе представляющие собою гарантирование, конкретизируют объединяющую связь явлений государства и права.

Юридическая связь явлений государства и права потому и значима, что она проявляет существо справедливости. Посредством реализации свойств явления права справедливость проявляется в качестве обеспечивающего ограничения. Посредством реализации свойств явления государства справедливость проявляется в качестве гарантирующей поддержки.

Юридически государство и право подобны потому, что оба этих явления – средства уравнивания. Такая трактовка открывает новые возможности уяснения сущности их взаимодополняющей связи и ее юридического (уравнивающего) значения.

Юридическое подобие явлений государства и права лежит в основе существования юридических признаков государства, а юридические средства, порожденные взаимодействием явлений государства и права, выступают в качестве способа их проявления.

Сегодня отсутствие внимания к существованию юридической сущности взаимосвязанных явлений государства и права проявляется в том, что попытки их изолированного осмысления в разных познавательных плоскостях к результатам, отвечающим потребностям общества, не привели и, скорее всего, не приведут. Это подтверждается, в частности, тем, что идея правового государства, реализуемая в направлениях интенсификации законотворчества и ограничения сферы публичных проявлений государства, себя явно не оправдывает.

Уподобление явлений государства и права в плоскости юридической науки не только упорядочивает представления о характере связи между ними. В результате такого уподобления открывается возможность познания сущности и путей оптимизации юридической взаимосвязи этих феноменов, полезной для нашего общества. Представляется, что поле и арсенал юриспруденции могут полноценно способствовать реализации ожиданий человека, связанных с его пребыванием в юридическом пространстве государства.

Практически это открывает направление подготовки специалистов, обладающих новыми возможностями. Признание юридического подобия явлений государства и права способно упорядочить представления о поле деятельности профессионалов, призванных эффективно проявлять юридические свойства государства на основе овладения новым инструментарием, применение которого способно существенно повысить качество жизни россиян.

Выявление юридического характера связи между явлениями государства и права предстает основой для выдвижения и подтверждения гипотезы о существовании юридических свойств явления государства. Раскрытие юридического парадокса государства способно проявить интеллектуальную связь между явлениями «государство», «право» и «юриспруденция». От выявления юридических признаков государства до полезного применения юридического подобия явлений государства и права останется один шаг.

Имеет смысл подчеркнуть, что поиск подобия явлений государства и права нужен не для доказательства их идентичности, что привело сегодня к абсурду сведения явления государства к явлению права. Этот поиск необходим для доказательства их сопоставимости, выступающей причиной их взаимодействия – взаимосвязи и взаимодополнения их юридических – уравнивающих возможностей.

Юридическое уподобление явлений государства и права значимо для уяснения и адекватного проявления сущности их взаимодополняющей связи и ее гарантирующего значения.

Юридическое взаимодействие явлений государства и права лежит в основе существования потребности выявления и исследования юридических признаков государства.

Государство и право – взаимодействующие элементы единой системы, юридическим качеством которой являются упорядоченность и обустроенность всех взаимосвязанных притязаний людей, обусловленных их пребыванием в едином пространстве. Смыслом существования этой системы является не выгода, а польза, а основным средством его проявления – не ограничение, а поддержка.

Юридически явления государства и права равнозначны. Приоритет государства ограничивает необходимые для человека проявления права, а приоритет права ограничивает необходимые для человека проявления государства.

Глава I

Познание феномена государства научными средствами юриспруденции и его перспективы

§ 1. Природа юридических признаков государства как область исследований

Предпосылки формирования научных представлений о природе юридических признаков государства.

Перспективы развития юридических представлений о государстве.

Значение идеи теоретического осмысления юридических свойств государства для правоохранительной сферы. Трактовки содержания юриспруденции; их теоретическое, методологическое и прикладное значение. Тенденция возрастания потребности общества в получении и применении точных научных и профессиональных знаний о взаимосвязи юридического потенциала государства и состояния правоохранительной сферы. Взаимодействие познания юридических свойств государства и перспектив оптимизации правопорядка.

Формирование теоретических представлений о сущности и значении юридических свойств государства как новое направление в юридической науке и практике.

Содержание предмета научных исследований в сфере «Юридические свойства государства» и роли органов внутренних дел в их проявлении. Перечень задач научных исследований в сфере «Юридические свойства государства» и роли органов внутренних дел в их проявлении. Элементы и новое качество системы «Юридические свойства государства» и роль органов внутренних дел в их проявлении.

На определенном этапе юристы, исследовавшие явление государства, определяли его как сочетание власти, территории и народа¹.

Вместе с тем в процессе конструирования любого определения предполагается, что каждый верно найденный признак определяемого явления, выступая дополнением к их общему перечню, приближает нас к пониманию его сущности. В предлагаемой триаде признак «власть» вместо того, чтобы прояснить сущность явления государства, скорее усложняет ее понимание. Представляется, что это происходит потому, что среди прочих признаков, представляющих собою качества объективной реальности, власть предстает абстрактной ретроспекцией, истинную суть которой проще скрыть за признанием факта естественности ее происхождения, чем адекватно объяснить.

Юридически государство представляет собою все же некое устройство всех соотношений, которые проявляют возможности определенного пространства, интересные пребывающим в нем людям. Причем проявляют их для того, чтобы этим возможностям максимально могли соответствовать связанные с ними ожидания людей.

В устройстве государства право представляет собою некую совокупность ориентиров, следование которым упорядочивает все значимые для всего человеческого сообщества отношения между людьми. В этих отношениях проявляется, сохраняется и поддерживается соответствие ожиданий людей возможностям охватываемого государством пространства, а

¹ См., напр.: *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. М.: Зерцало, 2008; *Радько Т.Н.* Хрестоматия по теории государства и права / Под общ. ред. И.И. Лизиковой. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 585–586.

также соответствие возможностей людей условиям сохранения и развития пространства, поддерживающего их ожидания. Это базовые свойства государства и права и базовые условия их конструктивного, созидательного взаимодействия.

Государство и право взаимодействуют посредством нормализации взаимосвязанных возможностей. Причем, как возможностей собственных, конструктивно в них заложенных, так и возможностей, порождаемых их взаимодействием.

Если конструкции государства и права будут соответствовать своему предназначению, пространство и взаимоотношения людей, складывающиеся в нем, будут развиваться.

Если такое соответствие не будет найдено, то пространство и взаимоотношения людей, складывающиеся в нем, будут разрушаться.

Может быть, нормализация взаимосвязи возможностей пространства и пребывающих в нем людей как потребность предшествует государству и праву в этом пространстве, проявляет и формирует их. Государство и право формируются как инструмент и технология оптимизации этой потребности.

В юридическом смысле нормализация – приведение в соответствие возможностей человека и пространства его пребывания с определенным состоянием, качеством, величиной. Формулировка такого соответствия – содержание правовой нормы.

Выявление и гарантирование определенного состояния, качества и величины этого соответствия – содержание государственного устройства.

Иными словами, нормализация предстает сутью юриспруденции, охватывающей своими познавательными и упорядочивающими возможностями явления государства и права.

Итак, нормализация – приведение в соответствие. Пространство государства – своего рода хранилище, содержащее в себе определенный объем и определенное разнообразие природных ресурсов. Природные ресурсы, являющиеся содержимым пространства, создают возможности для реализации ожиданий пребывающих в этом пространстве людей.

Вместе с тем пребывающие в одном пространстве с природными ресурсами люди также обладают определенными возможностями – некими собственными ресурсами, способными существенно влиять на природный потенциал пространства. Существо такого влияния может проявляться в поддержке, развитии или разрушении природного потенциала пространства, объединяющего себе природные и человеческие ресурсы.

Взаимодействие пространства и ресурсов, обособленных для реализации ожиданий пребывающих в нем людей, своим предназначением имеет конструктивность образовавшегося сочетания. Конструктивность означает поддержку таких пропорций между природными и человеческими ресурсами и пространством, которые соответствовали бы существующему и будущему разнообразию ожиданий (интересов) пребывающих в нем людей. Эту сторону взаимодействия природы и человека могла бы регулировать стихия. Но человек привнес в данное соотношение еще одну составляющую – интерес, который проявляется разнообразно и никогда не совпадает у всех людей вместе и у каждого человека в отдельности.

Идея нормирования возникла в человеческом сообществе как способ приведения в соответствие возможностей пространства и ожиданий пребывающих в нем людей. Существование данной идеи помогает понять, что взаимосвязанные притязания людей, пребывающих в определенном пространстве, обусловлены не только природными возможностями этого пространства, но и индивидуальными и коллективными возможностями пребывающих в нем людей. Иными словами, созидательно взаимодействуя, человек и окружающее его пространство не только потребляют ресурсы друг друга, но и возвращают их в новом качестве.

В пространстве, обустроенном в государство, территория – аккумулятор природных и человеческих ресурсов. Власть – инструмент, обеспечивающий процессы накопления и

расходования этих ресурсов. Право – способ нейтрализации помех в процессе реализации взаимосвязанных притязаний людей.

Государство – устройство существования и развития взаимодействия природных и человеческих ресурсов, обусловленных единым пространством, с одной стороны, и устройство обеспечения взаимодействия взаимосвязанных ожиданий и возможностей пребывающих в этом пространстве людей – с другой стороны.

Познание юридических свойств государства и профессиональная концентрация этих познаний в форме сочетания определенных навыков и умений открывают новые возможности формирования и гарантирования ожиданий человека, связанных с его пребыванием в пространстве государства, а также создают новые возможности оптимизации правопорядка.

В существующем подходе к научному определению содержания юриспруденции проявляются две явные тенденции. Одни его формулировки не связывают соответствующую науку и область практики только с правом. Юриспруденция определяется как теоретико-прикладная наука и совокупность отраслевых юридических наук, а также практическая деятельность юристов, юридическая практика².

Развитие этой трактовки юриспруденции представляют юридическую науку как систему получения и накопления знаний о праве. Она предстает в виде особой системы социальных норм, охватывающей не только право, правовую систему, но и государство³. Действительно, право, помимо прочего, способно отражаться в совокупности официально устанавливаемых норм. И официальность этих норм обеспечивается, помимо прочего, принудительной силой государства. Очевидно, что нормы, не подкрепленные принудительной, гарантирующей силой, вряд ли окажутся способными оправдать возлагаемую на них нашим обществом роль.

Другие его формулировки исходят из буквального толкования смысла понятия «юрист»: специалист в определенной отрасли юридической науки или юридической практики, правовед; практический деятель в области права, имеющий юридическое образование⁴. И это проявление замечательной научной строгости трактовки понятия «юриспруденция». Несомненно, такой способ восприятия познаваемой материи избран ее исследователями для того, чтобы сохранить познаваемый предмет в чистоте. В обстановке, сложившейся сегодня в юридической теории и на практике, это более чем актуально, не говоря о том, что наличие единого познаваемого предмета способно позитивно влиять на эффективность адаптации познавательного методологического инструментария. Но такая позиция оправданна все же лишь при проведении специальных теоретических исследований. На прикладном уровне в чистом виде она не существует. Не случайно адекватное название базовой учебной дисциплины юридических вузов – теория государства и права. В качестве дополнительного аргумента в поддержку этой позиции можно привести определение юстиции, обусловленное фактическим содержанием юриспруденции, толкуемое как справедливость, законность, а также обозначение всей совокупности органов, составляющих всю судебную систему, их деятельность по осуществлению правосудия, а также судебное ведомство⁵.

Упоминание о деятельности по осуществлению правосудия как об атрибуте юстиции, содержащееся в этом определении, отражает объективную необходимость взаимодействия государства и права для обеспечения соответствия реального социально значимого поведе-

² Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2006. С. 952.

³ Там же. С. 948.

⁴ Там же. С. 952.

⁵ Там же.

ния граждан официальным правовым предписаниям. Кроме того, это означает, что правосудие есть не что иное, как существование в одной юридической плоскости норм права и органов правосудия, являющихся равноценными атрибутами государства.

В подтверждение приведем практически дословно авторитетное мнение Ю.А. Тихомирова и И.В. Котелевской, содержащее развернутую характеристику права: «Право – в объективном смысле система общеобязательных, формально определенных норм, установленных и обеспечиваемых силой государства и направленных на регулирование поведения людей и их коллективов в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни. Основное отличие права от других правил поведения и нормативных систем заключается в его тесной связи с государством. С помощью права субъекты государственной власти закрепляют в качестве обязательных определенный круг общественных отношений»⁶.

Вместе с тем популярная трактовка понятия «закон», тесно связанного с понятием «право» и «юриспруденция», содержит пищу для серьезных размышлений. Закон, вне всякого сомнения, – принятый в любом порядке первичный правовой акт по основным вопросам жизни государства. Несомненно и то, что он обладает высшей юридической силой⁷. Но вот с тем, что он непосредственно выражает общегосударственную волю, вряд ли стоит соглашаться столь же безоговорочно. Все дело в том, что закон выражает все же волю избирателей, которую политики, в лице представительных органов, превращают в общеобязательный закон. Таким образом, воля, воплощенная в закон, может рассматриваться скорее не как государственная, а как гарантированная государственным устройством воля избирателей. И это существенное уточнение, потому что воля избирателей не может быть чуждой обществу, т. е. самой себе, по определению, а также потому, что профессионально, юридически полноценно реализуемое гарантирование такой воли является важным для всего нашего общества. Но можно ли в таком случае ограничиваться отождествлением правосудия и собственно государственной гарантией воли? Да, правосудие, определено, – часть юридической по своей природе материи. И вряд ли у какого-то специалиста – юриста возникнут на сей счет сомнения. И гаранты правопорядка, призванные обеспечивать таковой посредством правосудия, правоохраны, надзора за законностью, являются по своей специальности юристами-правоведами. Их предназначение – обеспечение правопорядка в основном посредством частной и общей превенции. Говоря иначе, посредством неотвратимого выявления нарушителей общеобязательных норм и восстановления попорченной справедливости. То есть сначала правонарушение как таковое должно все же произойти, а затем уполномоченные структуры государства должны восстановить законность и справедливость посредством уполномоченного, компетентного вмешательства. Стоит ли после этого вообще рассуждать о целесообразности появления такой области юридических исследований и юридической специальности, как государствоведение? Для более обстоятельного ответа на этот вопрос обратимся к распространенным определениям понятия «правопорядок».

Вспомним, что правопорядок – составная часть общественного порядка, формирующегося в результате регулятивного воздействия разных социальных норм. Результат действия правовых норм представляет собою определенное состояние упорядоченности общественных отношений⁸.

Приведенное определение предполагает, что правопорядок, как особого рода явление, развивается во времени от возникновения социально значимых отношений, ориентиром

⁶ Там же. С. 669–670.

⁷ Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова (и др.); отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 218.

⁸ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 678.

которых являются социально значимые нормы, до результата, который требует вмешательства органов юстиции, равно как и органов охраны правопорядка.

Но лишь в том случае, если таковой приобретает вид правонарушения или преступления. С одной стороны, такая форма поддержания правопорядка является рациональной. И, кажется, единственно возможной. Кажется, но до тех пор, пока мы не увидим, что любой акт социально значимого поведения человека в пространстве государства существует изначально как собственная вероятность. Реализация такой вероятности желаемая обществом, если этот результат соответствует указаниям нормы, и не приемлема для общества в противоположном случае. И пока вероятность не обратится в результат, она юридически невидима для гарантирующих правопорядок структур. Принято считать, что только так можно гарантировать невмешательство в права и законные интересы человека. Но только так всякий раз необходимо опаздывать с государственными гарантиями правопорядка. Причем иной раз необратимо.

Суть проявления юридического парадокса существующего ныне способа гарантирования правопорядка состоит в том, что стремление искоренить правонарушение основано на неизбежности его существования и предшествования любой деятельности, направленной на улучшение правопорядка. Можно ли гарантировать, не опаздывая? Перспектива получения утвердительного ответа на этот вопрос скрыта в том, что человек, осуществляя свои намерения в условиях государственного устройства, всегда сочетает свои возможности с возможностями окружающего его пространства. Если эти возможности складываются – вероятность реализации намерения увеличивается. А если эти возможности вычитаются – вероятность реализации намерения уменьшается. Поэтому стоит обратить внимание на государственные гарантии правопорядка, которые могут быть предоставлены в виде правообеспечения и государственного гарантирования власти.

Правообеспечение в предлагаемом контексте следует понимать как профессиональное и компетентное снижение самой вероятности правонарушения в любых областях существования правоотношений. Можно сказать, что правообеспечение – это юридически профессиональное вычитание возможностей.

Государственное гарантирование власти в предлагаемом контексте следует понимать как профессиональную и компетентную поддержку полезных для общества проявлений каждого индивидуального созидательного потенциала для реализации ожиданий человека в пространстве, обустроенном в государство. Можно сказать, что государственное гарантирование власти – это юридически профессиональное сложение возможностей.

Даже по признакам отсутствия необходимости ожидания наступления правонарушения как основания гарантирования правопорядка, это уже не область деятельности юристов-правоведов. К тому же управление вероятностью правонарушения неизбежно потребует глубоких специальных познаний. Такие познания являются юридическими по своей природе, потому что отражают взаимодействие государства и права, обеспечивающее оптимизацию правопорядка. Следовательно, для их осуществления необходим юрист.

Вместе с тем деятельность такого юриста качественно отличается от деятельности юриста-правоведа. Он не восстанавливает нарушенные права, не сопоставляет реальное событие с официальным нормативным ориентиром. Он способствует повышению вероятности такой модели социально значимого поведения человека в конкретной ситуации, которая в наибольшей мере устраивала бы общество. Причем именно тем, что она соответствует официальным нормативным предписаниям. Правда, при условии, что эти нормативные предписания сами по себе устраивают общество. Профессионально осуществляемая деятельность такого рода тесно связана с глубокими знаниями о праве. Поэтому такая деятельность является юридической по своей сути. Но эта деятельность предполагает не менее глубокие знания о государственной машине и ее гарантирующих правопорядок возможно-

стях. Подчеркнем, что по своей сути это не восстановление нарушенных прав, а минимизация самой возможности правонарушения.

Заметим, что речь идет о деятельности, сориентированной не на личность правонарушителя или пострадавшего от правонарушения, а следовательно, она не может касаться непосредственно ничьих конкретно прав. Предмет профессионального внимания здесь – вероятность проявления определенной модели социально значимого поведения, реализуемого в условиях конкретной ситуации. А это, что особенно важно, предполагает глубокие знания специальных технологий, способных обеспечить максимальную вероятность проявления таких моделей социально значимого поведения, которые бы наиболее соответствовали официально гарантированным ожиданиям общества. Именно поэтому имеет смысл говорить о профессиональном и компетентном юридическом по своей сути влиянии на правопорядок именно в тот период, когда правонарушение является лишь вероятностью. Таким влиянии, которое в полной мере смогут оказать на состояние правопорядка лишь юристы-государствоведы. Именно юристы, потому что знания о природе развития модели социально значимого поведения, основным ориентиром для которой является норма права, по своей природе являются именно юридическими. К тому же только в результате их деятельности может быть осуществлена полноценная коррекция правовых норм.

Есть еще одно обстоятельство, выделяющее квалификацию юристов-государствоведов в особое направление юридической подготовки. Все дело в том, что юристы-правоведы проявляют свою квалификацию тогда, когда необходимо выяснить, кто прав, – и это область действия частного права, и кто виноват, – и это область действия публичного права.

Вместе с тем есть область не менее значимых для человеческого сообщества взаимоотношений людей, которые не могут быть в принципе сведены к отношениям правоты или виновности. Это взаимоотношения людей, в которых реализуются их созидательные индивидуальные возможности и ожидания, связанные только с фактом их пребывания в пространстве государства. Человеческие возможности взаимодействуют с природными и социальными ресурсами определенного пространства не потому, что человек в чем-то прав или перед кем-то виноват, а потому, что такое взаимодействие предстает условием существования пространства – среды обитания человека и самого человека в обеспечиваемых ею условиях. Поэтому есть основания утверждать, что существует область юриспруденции, в которой следует не доказывать правоту или виновность человека и окружающего его пространства, а гарантировать созидательность – взаимно полезное их взаимодействие принципиально иными юридическими средствами. Юридическими потому, что такое взаимодействие, так или иначе, проявляется в виде нормирования. Однако нормирования, опирающегося на ориентиры, с одной стороны, более стабильные, чем формулировки законов, а с другой стороны, более подвижные, чем они. Нормирования специфического, имеющего сложные и качественно новые связи с правовыми нормами. Принципиально иными потому, что гарантирование таких взаимоотношений – это никак не доказывание чьей-то вины или правоты, а создание условий беспрепятственного притока человеческих созидательных возможностей человека в общую копилку государственных ресурсов. И, кроме того, создание условий для гарантирования реализации государственных ресурсов в поддержку ожиданий человека, связанных с его пребыванием в пространстве государства.

Представляется, что государствоведение при такой постановке вопроса вполне может рассматриваться как полноценная составляющая юриспруденции.

Представляется также, что появление юристов-государствоведов в структурах, именуемых ныне структурами исполнительной власти, сделает гарантии законности в нашем государстве более полновесными. Только юристам, обладающим полноценными профессиональными знаниями о государстве, по-настоящему будут посильны гарантии законности, понимаемые именно как обусловленная закономерностями общественного развития система

условий и средств, обеспечивающая законность и тем самым формирующая состояние социальных отношений⁹.

⁹ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 176.

§ 2. Юридическая функция государства

Юридическая функция государства как предмет научных исследований и область профессиональной деятельности. Познавательная и прикладная роль категорий – юридические свойства государства; юридическое проявление государственности; юридическое устройство; юридические средства стабилизации государства; юридический и неюридический смысл власти; государственное гарантирование власти; юридический и неюридический смысл регулирования; юридическая функция и прочие свойства государства. Соотношение теоретических представлений о сущности и взаимосвязи юридических свойств государства с философией, юридическими и неюридическими науками о государстве, конституционным и административным правом, теорией государственного управления, социологией права, криминологией.

Методологическая основа гарантирования юридического потенциала государства в правоохранительной сфере.

Предпосылкой к размышлениям, суть которых будет приведена далее, послужило ознакомление с книгой В.Е. Чиркина «Государствоведение», выпущенной в 2000 г. в Москве издательством «Юристъ».

Следует подчеркнуть, что автор упоминаемой книги заслуживает признательности за смелость, актуальность и аргументированность опубликованных им взглядов. Подобно опытному капитану, знающему фарватер наизусть, он уверенно выдерживает излагаемую концепцию в створе политологии. Именно цельность авторской позиции порождает взаимосвязанный ряд юридических образов, связанных с феноменом государства. И это все, что позволительно высказать не-политологу по поводу упоминаемой книги. Остальное – внутреннее дело политологической кухни.

В рамках приводимых здесь рассуждений обращения к содержанию книги В.Е. Чиркина будут частыми, но они не цитаты, а лишь ориентиры для юридических наблюдений и выводов.

Приведенное автором книги определение государства как «особого политического института», вероятно, вполне корректно с позиций политологии.

Вместе с тем, с точки зрения юридической, оно таит в себе предпосылку возврата к политизированной «социалистической» трактовке государства, воспринимаемого в качестве машины, подавляющей в интересах господствующего класса.

Познаваемое как явление юридическое, государство не утрачивает политической переменной составляющей (политиков). Но оно не исключает и наличия профессиональной, внеполитической, постоянной составляющей – чиновников. Государство – слишком серьезный инструмент для того, чтобы находиться в распоряжении одних политиков. И это наглядно подтверждает хотя бы политическая действительность нынешней Украины.

Развитие излагаемой в упомянутой книге политологической концепции сопровождается утверждением о том, что «государствоведение означает изучение (ведать) государства. А в более широком значении – государственности, элементы которой присущи субъектам (составным частям) федераций и национально-государственным образованиям». Там же приводится мнение французского политолога Ф. Ардана: «Государство – идея и факт. Абстракция и организация».

Само по себе это утверждение юридических ассоциаций бы не вызвало, если бы не одно «но». Дело в том, что еще в девятнадцатом веке автор «Энциклопедии государственных наук» Роберт Моль отмечал, что причиной возникновения организаций являются цели. Они же становятся и причиной ее разрушения. Может быть поэтому, также в девятнадцатом

веке, Б. Чичерин в своем «Курсе государственных наук» упоминал о специальных юридических средствах поддержания стабильности государства, подразумевая под ними обязательный закон и профессиональную юридическую деятельность, направленную на его гарантирование. Государство было охарактеризовано им как постоянное юридическое устройство, связывающее народ в одно целое. Иными словами, лишенное отмеченных юридических составляющих – рамок, исключающих появление разрушающих целей, государство, как организация, легко утрачивает свое главное свойство – постоянство.

С позиций теории организаций, менеджмента, политологии и социологии в качестве стабилизатора организации в этой сфере видятся совсем другие средства. Результатом специфики неюридического восприятия познаваемого объекта предстает доминирование подхода, в рамках которого все, что не соответствует целям организации и нарушает гармонию ее структуры, выводится за пределы ее содержания. Отсюда и возникают искушения манипулирования аппаратными структурами и обоснования самодостаточности формализации не только технических операций, сопровождающих труд чиновников, но и самого подхода к оценке качества продукции труда чиновников, именуемой теперь услугой. Более того, такой подход исподволь подталкивает к включению в характеристику сущности организации собственной выгоды, которую она преследует. В комплексе перечисленные эволюции, естественно, не только обособляют государство в некую организацию чиновников, но и служат причиной призывов к одобрению научно и политически обеспеченного противостояния человека и государства. Представляется, что эти результаты не что иное, как следствие подмены юридического арсенала стабилизации государства средствами, предлагаемыми с позиций перечисленных наук.

«Государство, – говорится в упоминаемой книге, – особая, универсальная для общества данной страны организация, обладающая уникальной властью (публичной государственной властью) и специализированным аппаратом для регулирования определенных сторон общественных отношений.

Юридически же власть проявляется, прежде всего, в возможности обращения доверия избирателей в общеобязательный закон. И, чем больше избирателей доверяют власти, поддерживая принятые законы, как верно заметил профессор Ю.Н. Старилов, тем большую стабильность обретает государство.

Регулирование, как упорядочение и приведение некоей материи в соответствие с какими-то ориентирами или стандартами, юристами и неюристами трактуется также различно. Причем различия эти очевидны. А результаты диаметрально.

С юридических позиций регулирование воспринимается, прежде всего, как упорядочение доступа к социально значимым благам. Причем понимать его следует не как ограничение или ущемление такого доступа, а как гарантирование превращения закрепленного законом права в способ реализации законного интереса или конкретную, не ущемляющую ничьи права пользу. А закрепление в законе ограничения проявляет не посягательство на возможность реализации индивидуального интереса, а создание условий для того, чтобы один индивидуальный интерес не противоречил другому.

С позиций неюридических пока просматриваются совсем иные перспективы. Власть, трактуемая как доступ к возможности творить законы, способна породить стремление к ограничению круга политических конкурентов. А регулирование, трактуемое как избавление от любого несоответствия стандарту, в качестве неизбежного последствия влечет установление формальных барьеров для желающих заявить о своих правах и интересах избирателей. Еще чуть-чуть, и все будет почти как в распространенной рекламной формуле, уверяющей потребителя в том, что его выбору предлагается только самый достойный вариант. Остальные варианты не предлагаются исключительно как недостойные. Есть юридически вполне понятные опасения в том, что дальнейшее развитие таких теоретических концеп-

ций может стать неисчерпаемым источником оправдания противопоставления государства и гражданина, государства и общества.

Государство действительно предстает «предметом изучения многих наук», но от этого оно не утрачивает юридической сущности собственного феномена. Хотя бы потому, что именно с юридических позиций ясно видно, что как без пользы, обеспечиваемой гражданину, не может быть государства, так и без доверия, подкрепляемого государством, не может быть гражданина.

Государственность проявляют в юридической плоскости и юридической форме юридически значимые взаимоотношения. Они складываются между политиком, чиновником и гражданином. При этом политик указывает и юридически закрепляет курс на взаимное и для всех нас приемлемое благополучие. Чиновник юридически профессионально обеспечивает реализацию избранного политического курса. А гражданин, пребывая в системе юридических гарантий, производит и потребляет блага, а также служит источником власти. В этом смысле государственность – в равной мере значимое для всех нас свойство, в какой бы из перечисленных ипостасей мы ни выступали. Именно поэтому государствоведение объективно представляет собою юридическую систему знаний о государственности в ее различных связях и опосредованиях.

Вне системы названных координат представления о сущности взаимоотношений людей и организаций в государстве способны легко исказиться, а представления о закономерностях проявления структуры таких взаимоотношений способны приобрести самостоятельное, оторванное от юридического в своей сущности феномена государства значение. А отсюда до подмены совершенствования государственности формальными операциями со структурами и процедурами остается совсем недалеко.

Невозможно не согласиться с мнением В.Е. Чиркина о том, что «выводы государствоведения должны реализовываться в интересах совершенствования формы государства». Однако при этом нелишне помнить, что форма – всего лишь выражение содержания. Как задача, – всего лишь ступенька к достижению цели. А вот функция – основное свойство государства, препятствование проявлению которого способно обратить в формальность даже такие значимые в государстве ценности, как обеспечение социального, экономического, научно-технического прогресса и всестороннее развитие личности.

Есть определенные основания полагать, что, пребывая в таких рамках, система юридических представлений о государстве и проявлениях государственности – государствоведение, окажется способной объяснить, в чьих интересах и при каких условиях «власть способна отчуждаться от общества и самодовлеть». «Подавлять развитие общества и свободу личности».

В действительности, в теории и на практике государствоведение не призвано «обеспечивать соединение интересов государства, общества и личности». Оно призвано обеспечивать, прежде всего, исследование, а также полезное для всех нас проявление основного свойства государства – его функции. Коль скоро государство – явление юридическое, юридическим будет и его основное свойство. Свойство, выступающее первопричиной и условием для других проявлений государства. И содержанием юридической функции государства предстают гарантирование ответственности средствами познания и реализации права и гарантирование законного интереса (пользы) средствами познания и реализации государства.

Представляется, что именно гарантирование ответственности и обеспечение пользы (законных интересов) граждан нашего государства выступают решающим условием для проявления целого ряда других свойств государства, в частности, в сфере экономических, социальных, политических и идеологических взаимоотношений в государстве. Государство – действительно «особый инструмент». Только не политический, а юридический. Его основ-

ное юридическое свойство – выявление и поддержание общеобязательной меры. Меры, обеспечивающей главные, сохраняемые государством ценности – социальный, экономический, научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности. Предназначение государства – реализация прав и законных интересов граждан, в какой бы ипостаси по отношению к нему они ни выступали. И в этом смысле у государства нет и не может быть никаких альтернатив. Прежде всего потому, что оно в силу присущей ему юридической функции обеспечивает условия созидательного взаимодействия законных интересов. И исследователю-юристу надо серьезно заблуждаться в объекте научных притязаний, чтобы согласиться с отказом в праве на существование юридической теории государства и соответствующей ей практики реализации государственности – государствоведения. И совсем серьезно заблуждаться, считая таковую не иначе «как порождением тоталитаризма». Уж если условием поддержания стабильности государства объективно выступает некая обязательная мера, подразумевающая нейтрализацию способных разрушать организацию целей, посредством собственного, для кого-то и принудительного (юридически обеспеченного) гарантирования, то лучше профессионалов-юристов – теоретиков и практиков государствоведения с этим никто не справится.

§ 3. Распознавание проявлений юридического свойства государства средствами юриспруденции

Развитие юриспруденции в направлении выявления гарантирующей сущности государства и его теоретическое и прикладное значение. Чистота предмета и познавательные возможности юриспруденции. Юриспруденция и юстиция – теоретический и методологический аспекты соотношения. Атрибуты государства. Правосудие, правопорядок и гарантирование государственной власти. Государственная и гарантированная государством воля – теоретическое, методологическое и прикладное значение их соотношения. Гарантирующий потенциал органов внутренних дел и направления его развития.

Механизмы взаимосвязи юридического потенциала государства и гарантирующих возможностей органов внутренних дел в правоохранительной сфере. Теоретические основы выявления и реализации юридических свойств государства.

Представим себе государство как жизненно важное пространство, жизненно важные ресурсы и жизненно важные интересы. Выделенные признаки, пожалуй, являются одновременно и основными ориентирами приемлемого для всех нас правопорядка и обнаруживают потребность в мощном поддерживающем их механизме. Уже потому, что лишенный этих признаков правопорядок способен мешать жить всем нам. И это, пожалуй, один из основных парадоксов правопорядка.

Сердце такого механизма – государственное гарантирование власти, понимаемой здесь как феномен обращения доверия избирателей в обязательный закон.

Реализация правопорядка с неизбежностью предполагает существование чиновника, способного гарантировать власть именем государства и профессионально, т. е. возмездно, постоянно и на основе специально сформированных знаний, навыков и умений.

Если для разных сторон жизни государства существует необходимая юридическая мера – закон, то столь же необходимой юридической мерой являются и сами средства (машина и ресурсы) гарантирования законности. И, кроме того, юридически соразмерными должны быть условия, обеспечивающие обмен возможностями между человеком и пространством, в котором он пребывает и которое юридически обустроено в государство. Именно поэтому государствоведение, как профессиональное и научно строгое знание о поддерживающей правопорядок машине, обладающей определенными ресурсами, и умение профессионально ее эксплуатировать, не менее значимо, чем правоведение.

Государство – устройство, в котором индивидуальные созидательные возможности человека полезно обмениваются на коллективную поддержку благополучия каждого соиздателя. Именно поэтому имеет смысл говорить о профессиональном и компетентном распространении возможностей юриспруденции в направлении государствоведения. Познавая и реализуя феномен государственного гарантирования власти всесторонне, юриспруденция будет в состоянии повлиять на правопорядок именно в тот период, когда правонарушение является лишь вероятностью. И не только. Поддержка обмена индивидуальной человеческой созидательности на коллективную поддержку ожиданий, от пребывания в государстве – проблема, связанная с гарантированием справедливости не менее, чем проблема гарантирования правопорядка. И потому эта проблема также юридическая.

Юридическое уподобление явлений государства и права весьма значимо потому, что понятие «государственная», употребляемое в качестве характеристики воли, трактуется ныне практически на официальном и профессиональном уровнях весьма своеобразно. Во-первых, как воля, исходящая от некой, существующей отдельно от народа особой касты. Во-вторых, как воля, чуждая обществу. Тем самым исподволь подразумевается не только

естественность сосуществования государства и общества, но и злободневность нейтрализации их антагонизма. Это – существенное заблуждение, ведь по своей сути государственная власть обязана доверившему ее обществу ответственно творить закон, а не творить ответственность общества перед нею посредством закона. Такая государственная воля не может быть чуждой обществу в государстве народовластия. Профессионально, юридически полноценно реализуемое гарантирование такой воли является жизненно важным юридическим условием существования всего нашего общества.

Гарантирование воли народа в государстве никак не может быть сведено лишь к гарантированию его правомерного поведения и лишь посредством обеспечения ответственности за правонарушения. Прежде всего, потому, что существует еще одна область юридически значимых для всех нас проявлений государства, которая очевидно не вписывается в рамки гарантированной ответственности. Это – область ожиданий каждого из нас от пребывания в государстве.

Эту новую для юриспруденции область теории и практики необходимо познавать и осваивать.

Юридическая природа конструкции государства объективна. Она обеспечивает системное качество, которое заключается в объективно заложенной в таком устройстве возможности превышения пользы, получаемой от него, против пользы, отдаваемой ему. Процессом возникновения и изменения государства управляют человеческие потребности, юридически формулируемые как законные интересы. В проявлении потребностей в виде юридически обеспечиваемых интересов заключается участие большинства людей в управлении государством.

Юридическая конструкция государства обусловлена объективной необходимостью поддержания соразмерности индивидуальной созидательности и взаимосвязанных притязаний на получение пользы от ее реализации. Представляется, что именно посредством справедливого проявления этого принципа государство объективно способно обеспечивать баланс личных и общих интересов.

Если бы Аристотель не был прав, полагая, что «Государство есть известный союз людей, а всякий союз заключается для известного блага. Высший из всех союзов будет тот, который заключается для высшего блага, обнимающий все остальные»¹⁰, это его высказывание давно было бы опровергнуто и забыто.

Может быть, именно потому и появились предпосылки отрицания государства, превратившиеся в нынешние призывы защищаться от него, что возникла иллюзия закономерности присвоения ресурсов, оставляемых человеческими сообществами про запас для собственного развития, неким абстрактным злодеем – государством. По сути же, это подсознательно мотивированная попытка среагировать на опасность подмены государства как устройства, гарантирующего потенциал, обеспечивающего благо всем нам вместе и благополучие каждому из нас, на машину подавления угнетенных классов. Кроме того, благо – не только материальные ресурсы, но и культура взаимодействия с ним. И, в первую очередь, культура обеспечения, относительно общего блага, беспрепятственности, проявлений индивидуальной воли и извлечения индивидуальной пользы.

По этой причине не лишено смысла отождествление обобщенных государственных ресурсов с понятием «благо», а нашей личной пользы от него – с понятием «благополучие» – получаемое от блага.

По своей природе государство – некий аналог термоядерного реактора.

¹⁰ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М.: Типо-литография Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К Пименовская ул., соб. Домъ. 1894. С. 1.

Гармоничное – соразмерное государство – это такая организация взаимодействия каждого из нас и всех нас вместе, при которой вклад каждого в увеличение блага общего оборачивается увеличением благополучия каждого. Мера в государстве должна гарантироваться не как ограничение потребления или ограничения потребителей, а как соотношение отданного и возвращенного.

Не только бедность, равно как и стремление к личному богатству, может стать основой объединения людей. Основой объединения людей в государство вполне может служить совпадение представлений о жизненно важном пространстве, жизненно важных ресурсах и жизненно важных интересах. Следствием этого совпадения является стремление сохранить перечисленные ценности и приумножить пользу, которая может быть получена от данных ресурсов на данном пространстве.

В связи с этим стоит обратиться к соотношению понятий «польза» и «интерес»: представляется, что интерес вполне корректно может быть истолкован как ожидаемая польза.

Едва ли в основе распределения произведенного продукта как в догосударственных человеческих сообществах, так и в государстве изначально лежал принцип равенства.

Скорее всего, равенства в потреблении произведенного продукта не будет никогда. Тот, кто больше произведет, больше и получит. А вот справедливого соотношения между благом и благополучием ожидать можно и нужно. Более того, надлежит обеспечивать такое соотношение. И здесь все не может быть сведено к сравнению индивидуальных проявлений человеческих потребностей. Здесь речь идет об обеспечении возрастания объема и разнообразия ресурсов, необходимых каждому человеку для реализации его возможностей в государстве, являющемся хранителем и радетелем блага как условия и источника благополучия.

Чем сложнее производство блага, тем больше оно требует затрат. Причем затрат, которые ложатся на всех. Кроме того, этот процесс, усложняясь, требует затрат и на свое существование.

Поиск способов выявления и поддержки соразмерности затрат на увеличение блага, вне всякого сомнения, – предмет специальных юридических познаний, лежащий вне пределов правоведения. Конкретно – юридических познаний в области государствоведения.

Постепенно, в процессе эволюции людских сообществ, представления о значимых для всех вместе пространстве и ресурсах распространились на область наших взаимосвязанных притязаний. Сегодня очень важно осознать, что такие притязания должны гарантироваться не только ответственностью за нарушение существующих норм их реализации, но и созданием условий для их справедливой реализации. Справедливой – обеспечивающей соответствие отданного взятому. И, кроме того, соответствующей вкладу в развитие общего блага и усилиям, затраченным на его получение каждым лично, как и пользы, обеспечиваемой с помощью государства для каждого и на законных основаниях.

Субъект и объект власти должны совпадать всегда. Сейчас такое совпадение носит не личный, а социальный (польза для всех нас) и профессиональный (ответственные и квалифицированные полномочия) характер. Можно сказать, что власть сейчас не непосредственно общественная, а опосредованно общественная.

В связи с этим вполне корректным представляется утверждение, что государство – скорее не организация публичной власти, а организация гарантирования ответственности каждого перед всеми и обеспечения реализации притязаний каждого среди всех посредством соответствующей этому предназначению публичной власти. И не «способная создавать нормы права», а реализуемая посредством создания норм права.

Соразмерность отдаваемого и обретаемого каждым, пребывающим в государстве, заключена не в том, что каждый отдающий получает то же самое, что он отдал, только в большем объеме. Весь фокус в том, что отданное и обретенное объективно пребывают в качественно различных плоскостях. Обретаемое превышает отданное не количественно, а

качественно. Труд и время человека объективно все время дорожают, а материальные блага, создаваемые объединенными усилиями людей, дешевеют. Только особая область юридических знаний – государствоведение способна убедительно обосновать, что всем нам надо не жертвовать государству, а вкладывать в него. А уполномоченным от имени государства чиновникам, прежде всего, поручено от имени государства не раздавать подаяния, а вкладывать средства, обобщаемые в виде блага, в развитие возможностей человека. Разумеется, если вкладывать в общее дело реальные человеческие возможности, тогда возвращена каждому человеку будет тоже реальная польза.

Может быть, в качестве реального блага, вкладываемого каждым человеком во благо общее, следует полагать талант, мастерство и доверие. А в качестве блага, возвращаемого чиновниками от имени государства каждому участвующему в нем человеку, – справедливость, поддержку и уважение.

Только при достижении такого соотношения все полезное, отданное каждым из нас, станет пользой для каждого из нас и для всех нас вместе.

Взаимодействующие возможности человека и государства – это не только физические усилия и материальные блага. Следует, руководствуясь специальными юридическими познаниями явления государства, не противопоставлять возможности человека и его гарантируемые государством ожидания, а гармонизировать – полезно сочетать их.

Сутью власти, реализуемой на основе специальных юридических познаний явления государства, предстает гарантирование доведения до всех и каждого адекватных представлений о том, какие ожидания человека и при каких условиях действительно обратимы в реальную пользу с помощью государства. И какие пределы при этом нельзя переступить. Возможные варианты реализации наших ожиданий должны проявляться как следствия соотношения интереса конкретного человека и обеспечиваемых с помощью государства условий его реализации. Идеальное государство не то, в котором все живут по предложенному закону во имя закона, а то, в котором отдаваемое каждым для общего блага, возвращается тем, чего не было и не могло быть получено им в одиночку, т. е. с процентами, обеспеченными новым качеством общих возможностей. Власть предназначена не для вдавливания проявлений человека в правовые рамки, а для пользы от индивидуализации обобщенных ожиданий и обобщения индивидуальных возможностей.

Только специальные юридические познания в области государствоведения способны привести к пониманию того, что власть в государстве должна существовать и ощущаться гражданином не как проявляющаяся извне доминанта, а как сообразная его доверию, возможностям и ожиданиям поддержка. Тогда участие власти в жизни гражданина будет осознаваться гражданином, и обеспечиваться уполномоченным профессионалом не как внешний пресс, а как внутренняя пружина. Тогда откроется истинное предназначение государственного гарантирования власти, которое заключено не в том, чтобы сдерживать взаимообмен между благом и благополучием, а в его поддержке и активизации. Ощущая такое влияние, человек осознает себя частью созидющего целого, а не разрушительно подавляемой частью.

Только с позиций специальных юридических познаний о государстве понятно, что процесс повышения успешности человеческого поведения сопряжен с объективной необходимостью двух оптимизаций: между пространственными условиями и организованностью человеческого объединения и между потребностью человека и организованностью общества для извлечения пользы от ресурсов пространства.

Дело в том, что процесс соотношения успешности моделей поведения с условиями пространства, в которых пребывает человек, всегда имеет тенденцию к максимальному извлечению им пользы от этого. Иными словами, к достижению эффективности. Следуя в данном направлении, люди вынуждены были объединяться вначале по причине объективного

совпадения соответствующих пространственным условиям моделей поведения, а затем уже потому, что объединяемые усилия приводили к пользе, получить которую в одиночку было бы невозможным.

В связи с этим имеет смысл подчеркнуть, что абсолютизация интереса публичного с очень большой вероятностью приводит к беспределу кучки особо хитрых чиновников, а абсолютизация интереса частного – к беспределу кучки особо жадных толстосумов.

Публичный интерес оправдан до тех пор, пока он повышает возможности удовлетворения интереса частного, а частный интерес оправдан до тех пор, пока он предполагает возможность взаимовыгодного сосуществования с интересом публичным. В связи с этим будущее за поддержанием объективного баланса между частным и публичным интересами, полагая их частью единого, объективно существующего целого. При этом возможность достижения баланса частного и публичного интересов заключена в качественном различии между тем, что индивид отдает обществу, и тем, что общество возвращает индивиду. И обеспечить это можно лишь, обладая особыми юридическими познаниями явления государства.

Объединенное в государство человеческое сообщество получает минимум препятствий в своем развитии. Прежде всего, потому, что поведение человека соответствует объективным возможностям условий, в которых оно осуществляется. Это следствие отбора, при котором модели поведения каждого человека, не соответствующие пространственным условиям, оказываются неуспешными и отвергаются всеми людьми вместе. Пространственные условия и человеческое поведение обладают разной скоростью своего существования. Человек успевает испытать массу моделей своего поведения на успешность до тех пор, пока условия окружающего его пространства остаются в своей основе стабильными. Ныне человечество не удовлетворено количеством существующих пространственных условий, предоставленных природой. Оно прокладывает новые пути к достижению благополучия. При этом связь между испытанием моделей человеческого поведения и окружающими условиями пространства остается объективной.

В своем учебнике М.Н. Марченко приводит хорошую цитату из трудов Жана Бодена о том, что государство осуществляет «правовое управление семьями и тем, что у них есть общего с верховной властью, которая должна руководствоваться вечными началами добра и справедливости. Эти начала должны давать общее благо, которое и должно составлять цель государственного устройства»¹¹.

Там же приведена цитата из трудов Никколо Макиавелли: «...общее благо, которое должно получаться от выполнения реальных государственных интересов».

Представляется, что эти ценнейшие и по сей день теоретические формулы могут быть вполне реализованы лишь при условии подлинной научности юридического познания явления государства.

Познание юридической сущности явления государства поможет осознать, что государственный строй с помощью юстиции может гарантировать не только меру ответственности посредством соотнесения социально значимого поведения человека с нормами, закрепленными от имени человеческого сообщества официально. Такое познание поможет понять, что взаимосвязанные притязания людей, объединенных в государство, обеспечиваются по-иному. И стандарты здесь не могут фиксироваться в определенных формулировках, подобных правовым нормам, а могут проявляться только в виде реально и постоянно существующих подвижных соотношений, которые могут отслеживаться только на основе постоянно обобщаемой практики.

Объединенные ресурсы государства соотносятся с индивидуальными возможностями человека как взаимообмен. Такой обмен может быть как одновременным (создание госу-

¹¹ *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 52. 26

дарством условий для действующего работника), опережающим или последующим (дети, молодые специалисты или обучаемые специальности, пенсионеры и ветераны), так и просто компенсирующим (инвалиды детства).

Государственное гарантирование взаимосвязанных притязаний предполагает соотношение – реализацию соразмерности ресурсов, создаваемых и контролируемых властью при помощи структур ее гарантирования, и социально значимых ожиданий человека.

Спор о праве, – по сути, спор о законности проявления индивидуальной воли. Такой спор, разрешаемый средствами правоправедения, ведет к юридически обоснованному признанию факта наличия или отсутствия законных оснований на ее проявление.

Правоведческий арсенал представлен здесь законами (правовыми нормами) и профессионалами, способными соотнести реальное поведение человека в конкретной ситуации с предписаниями закона и решить, соответствуют ли они друг другу.

Профессионалы уполномочены привлекать к ответственности лиц, поведение которых не соответствует нормативному предписанию и тем самым представляет собою нарушение прав других лиц на законное проявление их индивидуальной воли. При этом по возможности восстанавливается ущемленное нарушением право.

Но проявление индивидуальной воли ничто, если оно исчерпано стадией целеполагания. Стадией, на которой человек лишь выразил свое желание что-то заполучить. Если не следует волеизъявления, – обращения права человека изъявлять свое желание в реальную для него пользу.

Попытка обеспечить извлечение частной пользы исключительно средствами правоправедения провоцирует вал законотворчества. Создается впечатление, что наш законодатель озадачен перспективой создания «своего» закона на «каждый случай жизни». Действующие законы уже реально препятствуют друг другу. Следствие этого явления – бесконечные судебные тяжбы с очень высокой вероятностью решения в пользу более сильного, более обеспеченного.

Единственным, пока не реализованным и не замеченным юристами-правоведами резервом на данном направлении гарантирования частной воли является выявление своего рода полей взаимного не-проникновения частной воли, т. е. таких юридически обозначенных и обеспеченных пространств, в которые по объективным причинам не должна проникать никакая и ни под каким предлогом частная воля. Любое намерение, распространяемое на такое пространство, становится юридически ничтожным по определению. «Ничтожное» в этом случае означает, что факт проникновения в такое пространство не может быть предметом никакой юридической защиты, никакого юридического спора, никакой государственной поддержки и объектом любого гарантирования. Кроме того, любой ущерб, причиненный в результате проникновения в такое пространство, возмещается только за счет нарушителя такого пространства. А основанием для такого возмещения является сам факт нарушения такого пространства, установленный уполномоченными на то гарантами государственной власти.

Признание объективной реальности существования полей взаимного непроникновения развивает понимание необходимости познания юридических свойств государства новыми средствами. Эти средства помогут проявлять условия, затрудняющие проникновение на такие поля. И юридические средства для этого требуются совсем другие. Это уже не спор о праве, а констатация факта отсутствия законного основания для обращения субъективного желания в частную выгоду. Правопорядок, познаваемый в рамках государственного правоправедения как беспрепятственность проявления индивидуальной воли и извлечения индивидуальной пользы, опосредуется созданием условий, препятствующих проникновению индивидуальной воли в пространство, где возможен конфликт с ее аналогом.

Кроме того, проявление индивидуальной воли объективно ограничено возможностью создания реальных условий для его поддержки. Нельзя провозглашать того, чего нельзя реализовать. Закон – это мера реальной официальной поддержки гражданина в осуществлении его стремлений. Такая мера не должна противоречить возможностям государства – всех людей вместе. Такая мера не должна противоречить и аналогичным намерениям другого гражданина. А все остальное – юридическая абракадабра. Поэтому декларация прав человека – именно декларация, а не закон. Наука о данной стороне человеческих отношений, складывающихся в определенном пространстве, на определенной территории, по поводу определенных ресурсов и выражающихся в мере проявления взаимосвязанных человеческих интересов, и есть государствоведение. Появление государствоведения именно как юридической науки и соответствующей ей профессионально обеспечиваемой области практики – серьезное пополнение арсенала юриспруденции, ориентированного на обеспечение правопорядка.

Государство не организация, а особое юридическое устройство. Юридическое потому, что юриспруденция, как уже отмечалось, – теория и практика соотношения с мерой. В отличие от организации, которую объединяет цель, государство объединяет возможность гарантирования законного права (созданием условий для беспрепятственности проявления индивидуальной воли) и гарантирование законного интереса (созданием условий для беспрепятственности получения индивидуальной пользы).

Беспрепятственность в предлагаемом контексте трактуется как такое юридическое состояние, при котором право одного гражданина и его интерес не только не встречаются препятствий со стороны собственных юридических аналогов, предъявляемых другим гражданином, но и сами не учиняют таковых.

Право и интерес гражданина, проявляемые беспрепятственно, в пределах и объеме возможности их поддержки государством, и есть, соответственно, законное право и законный интерес.

Гарантирование законного права обеспечивается гарантированием меры ответственности каждого из нас перед всеми нами вместе (публичное право) и каждого из нас перед каждым из нас (частное право).

Гарантирование законного интереса обеспечивается гарантированием меры реализации взаимных притязаний каждого из нас среди всех нас. Такие притязания юридически проявляют себя в виде взаимосвязанных ожиданий пользы каждым гражданином от его пребывания в составе государства. Именно пользы, официально обеспечиваемой средствами государства.

И это еще один аргумент в пользу необходимости государствоведения – теории, практики и юридической специальности. Если правоведение обеспечивает возможность профессионального соотношения деяния с мерой ответственности за его последствия, то государствоведение обеспечит возможность профессионального соотношения ожидания с мерой его реализуемости.

Сутью деятельности юриста-государствоведа предстают юридическая квалификация характера ожидания гражданина (оценка уровня ее полезности) и юридическая оценка возможности реализации ожидания, мера его государственной обеспеченности (установление меры ее поддержки). Реализация ожидания может быть обеспечена не иначе как созданием соответствующих условий, среди которых – на первом месте поля взаимного непроникновения частной воли невозможности извлечения частной пользы. А ориентиром такой юридической оценки должна служить не норма, а статистически выявляемая связь между данными качествами, проявляемыми в данной ситуации, и пользой, полученной от их проявления.

При этом гарантирование взаимных притязаний (государственной поддержки обращения ожиданий конкретного человека в реальную пользу) принципиально отлично от гарантирования ответственности и по другим юридическим параметрам.

Во-первых, его пусковой механизм не вред, а польза. Если ответственность выстраивается от характера причиненного вреда, то гарантирование притязания выстраивается от возможности обращения ожидания гражданина в реальную для него пользу.

Во-вторых, взаимные притязания обуславливаются не связью деяния и последствия, а связью характера ожидания официальной поддержки с характером индивидуального созидательного потенциала человека и объемом ресурсов, обеспечивающих возможность ее реализации.

В-третьих, характер ожидания пользы и возможность ее реализации определяются не статичной правовой нормой, а динамичным, реально складывающимся соответствием характеристик получаемой пользы и характеристик ресурсов, которые могут быть направлены на реализацию этого ожидания.

В-четвертых, если ответственность – это ограничение, гарантируемое мерой утрат, то реализуемое ожидание – это поддержка, гарантируемая официальной мерой получаемой пользы.

С научной, по-юридически государствоведческой точки зрения корректно выделять только отношения государства и гражданина, где гражданин – это интерес конкретной личности, а государство – это, во-первых, объединенный интерес всех личностей, направленный на увеличение возможностей формирования и реализации интереса конкретной личности, а во-вторых, – интересы прочих конкретных личностей, существующие одновременно и соразмерно с интересами данной конкретной личности. В этой конструкции всякий дополнительный элемент лишний. Изменение соотношения свободы в пользу общества и гражданина – нонсенс, именно потому, что предназначение государства – реализация законных интересов гражданина. Поэтому всякое законное ограничение государства – ограничение законного интереса гражданина. Данный парадокс хорошо заметен с позиций именно юридического государствоведения.

Государство – юридическое устройство, инструмент, обеспечивающий меру взаимных притязаний и гарантирующий меру ответственности.

Если право – мера ответственности, то интерес – мера взаимосвязанных притязаний (претензий).

Мера взаимных притязаний обеспечивается посредством гарантирования:

а) обусловленности интереса (беспрепятственности получения индивидуальной пользы);

б) обусловленности права (беспрепятственности проявления индивидуальной воли).

В связи с этим имеет смысл категорически разделять не только право и интерес, но ответственность и поддержку (споспешествование).

Мера и соотнесение с нею, установленные и выполняемые профессионально и полномерно, – вот что является сутью профессионального проявления общей юридической природы государства и права. Юстиция своим высшим смыслом полагает соотнесение с мерой. Соответственно, юриспруденция – наука и профессия соотнесения с мерой.

В такой постановке вопроса правоведы – профессионалы гарантирования ответственности.

Тогда государствоведы – профессионалы создания условий реализации взаимосвязанных притязаний.

И чем скорее так понимаемое государствоведение будет обращено в теорию, область практики и юридическую специальность, тем скорее наше государство получит пополнение ресурсов, обеспечивающих благо всем нам вместе и благополучие каждому из нас.

Итак, соразмерность всех наших взаимоотношений, объективирующих наше пребывание в юридическом пространстве государства, значима не только как область правоведения, но и как область государствоведения. Эту новую область юридической теории и практики необходимо вначале профессионально осознать, а затем исследовать и осваивать. Завершить эти рассуждения хотелось бы выражением признательности и благодарности профессору Добрынину Н.М., в свое время разделившему и горячо поддержавшему многие из высказанных здесь идей.

§ 4. Юридическая наука как средство раскрытия гарантирующего потенциала государства

Правоведение и юридический потенциал государства. Феномен значения первопричины возникновения государства. Юридические возможности и юридическое значение его познания. Парадоксы возникновения государства. Польза и интерес как первопричины государства. Юриспруденция и правоведение как средства отражения феномена государства. Власть: символ, средство и абстракция. Государственная власть и ее профессиональное гарантирование. Юридический смысл государственного гарантирования власти. Права человека и государственное гарантирование законных интересов. Государство, гражданин и «белые пятна» юриспруденции. Юридические последствия неюридических методов гарантирования законных интересов. Юридическое содержание государственности.

С позиций доминирующих ныне представлений о способах и инструментах познания государственности государствоведение предстает комплексной дисциплиной, сочетающей политологию, социологию, теорию организаций, экономику и менеджмент. А юридическая теория государства признается давно отвергнутой негодной попыткой. Эта идея хорошо просматривается, в частности, в работах В.Е. Чиркина, В.Д. Граждана и некоторых других авторов¹². Логика такого подхода проста и почти до неопровержимости очевидна: коль скоро создается правовое государство, незачем классическую науку о праве отвлекать на несвойственные ей направления.

Сегодня очевидны также и попытки вытеснения юридического направления из области теории управления, осуществляемого с целью оптимизации взаимоотношений, складывающихся между людьми в государстве. Эта тенденция настолько выражена, что сейчас впору говорить не о том, что без государствоведения нет полноты представлений о теоретико-методологических возможностях юриспруденции, а о том, как сохранить за юриспруденцией область развития представлений о возможностях оптимизации правопорядка юридическими средствами, объективно пребывающими вне пределов правотворчества и правоприменения. Уже потому, что любая правовая норма, вне возможности ее официального гарантирования, есть юридическое ничто. Ситуация тотальной активизации правотворчества и абсолютизации судебного разбирательства, реализуемого фактически в качестве единственного средства гарантирования действующих правовых норм, сегодня признается единственно верной юридической стратегией гарантирования правопорядка. Сегодня, кажется, не может быть и речи о совершенствовании юридического инструментария, предназначенного для постижения других юридических возможностей государства, которые могут быть реализованы в поддержку прав и законных интересов человека. Но, как ни парадоксально, именно отставание государствоведения, как равнозначной правоведению отрасли юриспруденции, способно снять эту все обостряющуюся проблему.

Закон, несомненно, категория юридическая. Такая же категория и правопорядок, толкуемый как приведение в соответствие реалий жизни и нормативных предписаний, запретов и дозволений. Здесь уместно подчеркнуть, что правопорядок, понимаемый как обеспечение возможно большего соответствия реального и законодательно предлагаемого поведения людей, сейчас обеспечивается так или иначе принятием законов и последующим гарантированием ответственности каждого, кто нарушил закон. Несовершенства такого подхода очевидны. Все они сводятся к тому, что, во-первых, предпосылкой оптимизации правопо-

¹² Гражданин В.Д. Государственная гражданская служба: Учеб. пособие. М.: Изд-во «ЮрКнига», 2005; Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юристъ, 2000.

рядка до сих пор остается правонарушение, а во-вторых, в качестве средства улучшения правопорядка предлагается увеличение количества законов. Действительно, по логике доминирующего сейчас подхода получается, что сначала мы должны принять много законов, потом выявить все их нарушения, а потом при помощи судебных разбирательств восстановить нарушенные права тех, кто сможет доказать свою юридическую незащищенность. Более того, стремление уменьшить количество правонарушений признается хорошим только в определенных пределах. Ибо отсутствие правонарушений вызывает подозрение в том, что они недостаточно активно выявляются.

Но это еще не все. Направление гарантирования ответственности за правонарушения, развиваемое в качестве исчерпывающего аналога юриспруденции, существенно искажает проблему обеспечения законных интересов (государственной поддержки).

Логика этой ситуации не менее интересна. Человек, которому по ситуации, уже определенной государством, положена государственная поддержка, должен, как происходит сплошь и рядом, всякий раз доказывать свое право на ее получение. А как же иначе, ведь другими способами официальной поддержки гражданина, кроме уполномоченного установления его правоты или виновности, государство сейчас не располагает. Но юридически выходит, что наше государство (все мы вместе, представленные профессионалами), не сомневаясь в необходимости поддержать человека, сомневается все же в том, тот ли это человек, который в этой поддержке нуждается, а заодно и в обоснованности такой поддержки. То есть человек, конечно, прав в своих ожиданиях официальной поддержки. Но не виновен ли он в том, что ожидает такой поддержки необоснованно? Далеко тут ходить не надо. Достаточно, например, вспомнить, что порою ветерану войны, подлежащему, по мнению государства, переселению из ветхого жилья, мало доказать тому же государству, – профессионалам, уполномоченно представляющим всех нас вместе, что он ветеран, надо доказать им же, что занимаемое им жилье именно ветхое.

Ладно бы только так. Иногда в точно таком же положении оказываются и иные, казалось бы, уже охраняемые государством ценности, т. е. ценности, ответственно и профессионально гарантируемые. И тут далеко ходить не надо. Просто вспомним, например, про случаи, когда территория, на которой расположен памятник культуры федерального значения, официально охраняемый государством, может утратить свой статус по незаконному решению главы муниципалитета, а то и вовсе по фальшивой бумажке, изготовленной председателем садового товарищества. А вот возвращать утраченный статус надлежит исключительно огородами судебных тяжб. И далеко не факт, что путь этот приведет к успеху.

И так будет до тех пор, пока мы не осознаем, что государство – именно юридическое устройство, обеспечивающее меру взаимосвязанных притязаний каждого, находящегося в его пределах, всеми реально существующими средствами. И средства такого обеспечения никак не могут быть сведены к доказыванию чьей-то правоты или виновности.

Поэтому юристы-государствоведы фактически насущно необходимы для профессионального создания условий реализации ожиданий людей, связанных с их пребыванием в государстве. Чтобы понять это, крайне необходимо систематизировать юридические знания о государстве. Попытки такого рода предпринимались в не таком уж далеком прошлом.

Есть интересные попытки и сейчас. Направлением, которое в свое время выделило Академию российских энциклопедий из общего строя, стала энциклопедика. Развитие этого направления обещает хорошие перспективы, в том числе и в полноценном развитии юриспруденции в направлении государствоведения. Даже сама по себе методика организации материала энциклопедии способна оказать самостоятельное познавательное влияние.

Так произошло, в частности, в процессе создания Робертом Модем Энциклопедии государственных наук¹³. Создавая свою энциклопедию, он выделил два метода организации ее материала.

Согласно первому методу материалы энциклопедии располагаются в соответствии с общепринятым делением отраслей и разделов науки. В этом случае материалы представляются все и под своим обычным названием, но кратко, хотя представляются весь объем, последовательность и логическая связь известного материала. *Отметим, что такие энциклопедии хороши для дилетантов, намеренных пополнить свою общую эрудицию.* Принцип такой организации материала – «понемногу обо всем».

Согласно второму методу материалы энциклопедии располагаются сообразно внутренней органической связи предметов. И каждый отдельный предмет объясняется всесторонне и рассматривается с точки зрения всех отдельных учений¹⁴. Соответственно, такие энциклопедии востребованы, прежде всего, серьезными исследователями, способными понимать и развивать систему представлений об изучаемой материи. Принцип организации такой материи – «что, откуда и почему». И здесь очень значимо достижение соответствия между характером познаваемой материи и инструментарием, применяемым для постижения ее сути.

Роберт Моль высказал мнение о том, что «различие обоих способов обработки можно определить в кратких словах следующим образом: сочинения, излагающие предмет в внешнем порядке, представляют – ”энциклопедию наук“; между тем, как те, которые органически излагают предмет, представляют – ”энциклопедию науки“». Вместе с этим решается спор о том, как ему следует озаглавливать книгу – энциклопедией государственных наук или энциклопедией науки о государстве. Следовательно, во всяком отдельном случае вопрос сводится на то, какой принять метод изложения»¹⁵.

Представляется, что, наряду с этим, именно относительно предмета представляемой в энциклопедии Роберта Моля науки можно и нужно вести речь об «Энциклопедии юридической науки о государстве» как о системе представлений о государстве, представляющем собою юридический феномен. Есть все основания полагать, что именно такая энциклопедия может серьезно помочь в консолидации усилий исследователей-юристов, вооруженных познавательным юридическим инструментарием, адекватным юридической сущности познаваемого феномена.

В связи с этим уместно подчеркнуть, что попытка представить государствоведение комплексной дисциплиной допускает не только применение комплекса методологии, но и способна дать именно комплекс, а не систему представлений о государстве. Говоря образно, сколько бы мы ни изучали кошачьих улыбок, постичь сущность кота можно лишь тогда, когда сам кот, а не его улыбки станет предметом исследования.

Рассуждения Роберта Моля сводились к следующему: «Применяя эти общие положения к энциклопедии государственных наук, мы приходим к следующим выводам: во-первых, в нее должна войти вся совокупность сведений и учений, имеющих своим предметом государство, т. е. все науки, средоточием которых служит государство, как те, которые изучают, что государство обязано делать и на что в государственной жизни должно быть обращено внимание, так и те, которые изучают фактическое положение государств. Все же прочие науки, не имеющие непосредственного отношения к государству, должны быть исключены из такой энциклопедии»¹⁶.

¹³ Моль Р. Энциклопедия государственных наук / Перевод А. Попова. Санктпетербург: Издание книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа, 1868.

¹⁴ Там же. С. 37–38.

¹⁵ Моль Р. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁶ Там же. С. 38.

Найденные Робертом Модем аргументы привели его к формированию двух отделов энциклопедии государства, посвященных обозрению фактов. Один из них повествовал о том, как развивалась во времени государственная жизнь вообще, или только в известных государствах. Другой раздел, соответственно, включал сведения о том, как складываются государственные отношения в данный момент. Как само собою разумеющееся, его вывод заключался в том, что предметно и методологически энциклопедию государственных наук составляют две науки: история государства и статистика¹⁷.

Вместе с тем представляется, что обоснованно предлагаемый Робертом Модем подход оставляет все же некоторые сомнения в безупречности сделанного им вывода. Все дело в том, что обе упомянутые науки включают государство в свой предмет в том числе наряду с другими объектами. И главное для них не государство, а, соответственно, история и статистика. И то, и другое способно отражать лишь опосредованные исторически и статистически проявления государства, его косвенные признаки. Нечто подобное происходит и сейчас, когда предпринимаются попытки описания и объяснения юридического феномена государства с позиций экономики, социологии или теории менеджмента. Образно говоря, мы и сейчас увлечены осмыслением кошачьих гримас.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что уполномоченная профессиональная и публичная гарантия права человека посредством реализации ответственности и осуществления его законного интереса посредством создания поддерживающих условий – не что иное, как фундаментальные юридические проявления государства. И они неразличимы ни с позиций истории, ни с позиций статистики, ни с позиций прочих неюридических наук.

Юридическое явление государства не тождественно никаким другим его проявлениям, ни всем вместе, ни по отдельности. Юридический феномен государства невозможно отождествить с его политическими, экономическими, социологическими и другими признаками. И основное качество государства как раз и заключается в проявлении государственности. Государственности, понимаемой как свойство, лежащее в основе оптимизации проявлений в его пространстве каждым человеком его индивидуальной воли и, соответственно, извлечения каждым человеком его индивидуальной пользы. И это при условии развития обменных возможностей человека и окружающего его пространства, юридически обустроенного в государство. Остается подчеркнуть, что гармоничными проявления индивидуальной воли и извлечение индивидуальной пользы являются тогда, когда они не только не встречаются на своем пути препятствий, но и сами не создают таковых.

Приравнивание проявлений организаций (обеспечение приоритетности собственных частных целей) в пространстве государства к таким юридическим свойствам государства, как гарантирование ответственности и ожиданий всех, кто в нем пребывает, а тем более абсолютизация собственных целей способны разорвать государство. В такой ситуации оно утрачивается как юридическое устройство и обращается в конгломерат непримиримо конкурирующих организаций. Юридическое свойство нормализации – соотнесения с мерой посредством официального гарантирования ответственности и поддержки проявляет государство, а остальные свойства, такие как экономические, социологические, политические, проявляются уже в государстве. Парадокс в том, что только благодаря проявлению юридических свойств все остальные свойства становятся проявлениями государства. Потому, что юридические свойства – первопричина государства. Все остальные свойства, кроме юридических, могут проявляться и вне государства в отдельных организациях.

Прочие свойства, проявляясь вне юридической сущности государства, превращают государство в иллюзию, фикцию, конгломерат политических, экономических и других организаций, уничтожающих государство посредством преследования собственных целей.

¹⁷ Там же.

Именно поэтому юриспруденция должна иметь своим предметом государство, а государство – предмет именно юридических научных притязаний.

Договориться о взаимном признании неприкосновенности своих прав – еще не все, нужна еще и возможность профессионально обеспечивать ее соблюдение посредством гарантирования юридических форм этой договоренности и постоянного приведения в соответствие этих форм существующим реалиям. Причем не только посредством гарантирования ответственности, но и посредством гарантирования обращения законного интереса в реальную пользу.

Неприкосновенность прав каждого человека, гарантируемая государством, ныне все чаще становится помехой не только гарантированию прав другого человека, но и гарантированию прав всех людей вместе, юридически упорядоченных в государство. Означает ли это, что мы попали в юридический тупик, выходом из которого является неизбежность отказа от государственного гарантирования прав и интересов человека, или его альтернатива – неизбежность отказа от государства? Вовсе нет. Правда, для выхода из этого тупика придется признать, что поддерживать средствами государства надлежит не всякие ожидания человека. Неприкосновенность прав человека государством может обеспечиваться, как уже отмечалось, посредством уполномоченного и профессионального гарантирования недоступности юридически формируемых и контролируемых границ, проникновение за которые любой, проявляемой конкретным лицом воли и проявляемого конкретным лицом интереса – причина конфликта с его аналогами. Например, если земли имеют официальный статус природоохранной зоны, никому лично не дано изменять его. Принципиальное отличие гарантирования непроницаемости таких границ для всех без исключения заключается в том, что всякая индивидуальная воля и всякая индивидуальная польза за пределами этих границ теряют качества государственно защищаемых и гарантируемых. Они становятся «вне закона» и вне государственной поддержки в силу своего положения в юридическом пространстве государства. И речь при их проявлении идет не о перспективе спора о праве на какое-либо деяние (о претензиях на поддержку со стороны уполномоченных государством суда, прокуратуры и милиции). Такой спор в этом пространстве невозможен в принципе. Речь в таких случаях может идти лишь об уполномоченном и юридически профессиональном признании отсутствия законных оснований у кого бы то ни было для такого деяния.

Юридическим продолжением такой ситуации становится реальная перспектива пресечения такого поведения и ликвидации его последствий силами и средствами, предоставленными самим государством в распоряжение специально подготовленных и уполномоченных чиновников. И пресечение такого поведения, и ликвидация его последствий могут осуществляться только от имени и за счет государства, с последующей компенсацией понесенных затрат за счет нарушителей такого пространства, и только уполномоченными чиновниками. Поэтому никакие последствия, наступившие для нарушителя границ такой зоны, не могут стать причиной судебного разбирательства. Такие области гарантирования правопорядка можно юридически обозначить как области уполномоченно гарантируемой ответственности.

Наряду с этим юридическими средствами могут быть выявлены и области, индивидуальная созидательность человека в которых не может быть поддержана государством потому, что она не полезна и не обеспечивает справедливое возвращение взятого. Их можно обозначить как области отсутствия пользы от официальной государственной поддержки. Здесь речь идет о том, что только полезные ожидания государству стоит официально поддерживать.

Например, однополые браки бесполезны для человека в смысле продолжения его рода и тем самым прирастания индивидуальной созидательности. А предпочтения для одной из

конфессий во многоконфессиональном светском государстве не полезны для человеческого сообщества, упорядоченного в наше государство.

Речь, разумеется, опять сводится к необходимости формирования профессионального корпуса чиновников, имеющих квалификацию юристов, специализирующихся в области государственного управления. Профессией этих юристов являлось бы государственное гарантирование власти посредством создания условий для беспрепятственного проявления индивидуальной воли и беспрепятственного извлечения индивидуальной пользы.

Кстати, тут, может быть, и пролегает отчетливая граница между административной юрисдикцией юристов-государствоведов (чиновников), профессией которых является государственное гарантирование власти, и юристов-правоведов, специализирующихся в области административного права. Есть спор о праве – дело решает суд, деятельность которого – поприще юристов-правоведов. Есть факт деяния при отсутствии законных оснований, либо присутствуют основания для государственной поддержки обращения интереса в реальную пользу – дело решает чиновник, имеющий квалификацию юриста по специальности государственное управление.

Особенностью проявления государственности посредством гарантирования неприкосновенности границ юридического пространства взаимной частной недоступности является также и то, что они могут обеспечиваться не посредством гарантирования ответственности нарушителя, а посредством создания условий, исключающих аналогичные проявления впредь. Иными словами, если есть средства для создания условий, исключающих вероятность правонарушения, почему их не применить? Самое интересное заключается в том, что с неюридических позиций в таких ситуациях просматривается лишь стремление обеспечения преференций для определенных организаций (сообществ), провоцирующее поток законодательства, ориентированного изначально на их корпоративные интересы. Иначе говоря, проблемы проявления государственности с неюридических позиций не только неразрешимы, но и неразличимы.

Более того, иницируемая и поддерживаемая с неюридических позиций боязнь гарантированием обязанностей чиновника нарушить права человека своим следствием имеет принципиальную практику вмешательства в социально значимые отношения со стороны государства только в том случае, если таковые приобретают характер правонарушения. Естественно, всегда запаздывая по этой причине.

Вмешательство в современное бытие россиянина сегодня априорно связано с боязнью нарушения его прав. Порою эта боязнь сильна настолько, что затрудняет гарантирование его прав. Не по этой ли причине раздаются призывы обучать гражданина умению защищаться от государства? С позиций государственного управления государство способно проявляться по отношению к гражданину только как гарант его законных прав и интересов. То, от чего призывают защищаться доброты-«правозащитники», по определению, не проявления государственности, а проявления злоупотреблений со стороны официально уполномоченных чиновников и политиков. Проявляясь именно так, функционеры и чиновники становятся не носителями официальных полномочий, а преследователями собственных противоправных интересов – правонарушителями.

В качестве гарантий от государственного произвола предлагается обеспечивать законные интересы человека только тогда, когда он сам об этом попросит. Следовательно, до проявления собственной инициативы никто из нас юридически для государства не существует. Иными словами, образуется своего рода «ничейная земля» в пространстве взаимоотношений государства и гражданина. Это ощущение исчезнет, едва юристы-государствоведы, профессионалы, предназначением которых является государственное гарантирование власти, станут инициативно соотносить реализуемость ожиданий пользы от существования данного

лица в данном государстве с его созидательным потенциалом и реальными по отношению к нему ресурсами, способными обеспечить их реализацию.

Неюридический подход к решению проблемы взаимоотношений государства и человека неизбежно ведет к отождествлению государства с организацией, смысл которой заключается в самом факте ее существования, или с организацией, преследующей собственную выгоду. Естественно, что в таких конструкциях не остается места правам и законным интересам гражданина. Объектом государственного управления, юридической сутью которого является создание условий для гарантирования ответственности и ожиданий человека в государстве, с таких позиций* предлагается считать собственно государство как таковое или его часть – государственную службу. Проще говоря, представления о государстве суживаются до официальных структур, представленных чиновниками, а вся государственная деятельность сводится к заботе о стройности и жизнеспособности этих структур. Соответственно, в качестве предмета рассматривается деятельность государственной службы, объективные законы и принципы государственного административного управления. В результате государственные структуры и процедуры, вместо того, чтобы заботиться о человеке, начинают заботиться о самих себе. Иными словами, проблема гарантирования законных прав и интересов физических и юридических лиц, пребывающих в пространстве данного государства, исподволь подменяется проблемой создания формальных структур, смыслом деятельности которых становится обоснование собственной значимости, а также дележ полномочий и, соответственно, средств, предоставляемых в их распоряжение.

Следствием неюридического восприятия сущности государства является также мнение, согласно которому сфера участия государства в жизни граждан сокращается, а вместе с нею сокращается и сфера государственного гарантирования ответственности человека, а также государственное обеспечение поддержки его ожиданий.

Эти идеи В.Д. Граждан высказал в своем уже упоминаемом учебном пособии.

И дело здесь именно в том, что в силу своего видения и своей методологической вооруженности неюридические науки по косвенным неюридическим признакам оказываются не в состоянии выявить сущность юридического по своей природе феномена государства. Юридический феномен государства все же надлежит вначале юридическими средствами выявить, а затем уже исследовать экономические, социологические и прочие признаки его проявления.

Поэтому представляется, что гораздо рациональнее выявлять сущность государства по его прямым, юридическим признакам, чему в немалой степени может способствовать создание общими силами исследователей-юристов уже упоминаемой «Энциклопедии юридической науки о государстве», представляющей собою систему представлений о феномене, имеющем юридическую природу и познаваемом именно юридическими средствами.

Характерное ныне стремление к прямому правовому регулированию социально значимых отношений между российскими гражданами, очевидно, не приближает нас к улучшению состояния правопорядка. Такими средствами можно лишь поддержать иллюзию возрастания потребности в увеличении количества законов и укрепить заблуждение полной аналогии гарантирования и прав, и законных интересов. На практике, как уже отмечалось, это всякий раз вынуждает доказывать справедливость, кажется, уже гарантированной государством поддержки. Более того, правовая база такого регулирования, организованная по множеству оснований, порождает затруднения восприятия юридической сути возникающих коллизий даже у опытных профессионалов-практиков и исследователей-правоведов.

Понятно, что вариантов ответов на вопрос о причинах такого явления и способах его коррекции в рамках правоведения существует множество. Как понятно и то, что между этими вариантами порою нет не только гармонии, но даже самой возможности таковую выстроить. Очевидно, предпринятые попытки к разрешению данной проблемы юридиче-

скими средствами к результату не привели. Стоит ли пытаться еще? Ведь если нет возможности обнаружить единую природу одного из проявлений правопорядка в рамках классического правоведения, то может ли к ожидаемым результатам привести расширение границ научного юридического поиска?

Да, если к разрешению проблемы привлечь возможности юридических средств познания государства. И получить научные доказательства того, что государство является юридической по своей природе материей. Вместе с тем познать природу этой материи средствами правоведения невозможно. Именно такой подход может вывести решение проблемы оптимизации правопорядка из тупика.

В юридическом смысле государство не только машина, обеспечивающая восстановление нарушенного права и наступление ответственности за правонарушение. Это еще и система ответственного гарантирования законных интересов граждан именно посредством их поддержки. И подлинно научное восприятие данной сферы юридического проявления государства предполагает максимально широкий охват познаваемой материи.

Во-первых, в направлении выявления и публичного (официального, ответственного и уполномоченного) юридического обеспечения областей человеческих взаимоотношений, за пределами которых права одного человека способны вступать в противоречие с правами другого человека.

Во-вторых, в направлении выявления форм и способов юридической по своей природе и профессиональной по своему уровню *гарантии* законных интересов физических и юридических лиц, пребывающих на территории государства.

В-третьих, в направлении выявления профессиональной специфики поля деятельности юристов, содержанием которой стало бы уполномоченное и ответственное гарантирование власти. Именно государственное (профессиональное, ответственное и уполномоченное) гарантирование власти, понимаемой как способность обращения доверия избирателей в общеобязательный закон.

В-четвертых, научная разработка системы профессиональной подготовки таких юристов. Специфика содержания их профессиональной квалификации заключается в том, что она является по своей сути профессионально правообеспечительной и профессионально гарантирующей государственную власть. С одной стороны такая квалификация гарантирует поддержку реализации законных интересов, а с другой стороны, она обеспечивает неприкосновенность юридических границ, за пределами которых права одного человека могут противоречить правам другого человека. Причем содержанием профессионального предназначения юриста-государствоведа объективно предстают выявление, коррекция и создание условий для того, чтобы содержащееся в законе право человека обретало форму обусловленной этим правом конкретной пользы.

Пора признать, что обеспечить приемлемое для общества состояние правопорядка лишь посредством уполномоченного гарантирования ответственности явно не удастся. Именно поэтому стоит всерьез оценить перспективу развития самостоятельной области развития юридической науки, являющейся государствоведческой по своей природе и своему содержанию. И, следовательно, перспективу соответствующей юридической специальности.

Государство не только гарантированная принуждением обязанность, но и обеспеченный поддержкой законный интерес. И это давнее утверждение авторитетных юристов-правоведов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работе Б. Чичерина «Курс государственной науки», изданной в Москве в 1894 г.¹⁸ Правда, в упомянутой работе автор

¹⁸ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М.: Типо-литография Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К Пименовская ул., соб. домъ, 1894. С. 339.

подчеркивает, что попечение о законном интересе касается только общего благосостояния, а не частного. И на этом имеет смысл остановиться подробнее.

Представляется, что проведение основного принципа демократии, согласно которому свобода человека распространяется до предела, за которым она превращается в нарушение свободы другого человека, связана с необходимостью разрешения очень серьезной проблемы. На первый взгляд, эта проблема имеет частный характер, а потому решать ее следует частным порядком. Представляется, что именно на этом предположении базируется ныне мнение некоторых исследователей о сокращении сферы деятельности государства, по мере распространения и укрепления демократии¹⁹. К счастью, основными пропагандистами такой концепции являются не юристы. Потому, что так именно только кажется и только на первый взгляд. И подтверждением тому служит не столько уже приводимое прежде на страницах этой книги в качестве аргумента бесконечное затягивание разрешения простых социально значимых проблем средствами гражданского судопроизводства, сколько ставшие с недавних пор достоянием широкой гласности попытки россиян отстоять собственный интерес с оружием в руках.

Спор о пределах распространения прав конкретного человека не разрешится в частных взаимоотношениях между гражданами никогда. Во всяком случае, эффективно и приемлемо для российского цивилизованного общества. Проблема юридического регулирования отношений между гражданами в областях возможной конкуренции частных интересов объективно является проблемой публичной. Поэтому к общему, публично значимому интересу следует относить и благосостояние отдельного гражданина. Подчеркнем: но лишь тогда, когда сфера его реализации может пересекаться со сферой реализации точно такого же интереса другого гражданина. Взаимодействие областей распространения личных интересов граждан в таких областях должно обеспечиваться юридическими возможностями государства. И здесь, в дополнение к юридическим возможностям правоведения необходимо добавить юридические возможности государственного управления – системы юридических возможностей, обеспечивающих неприкосновенность границ правопорядка, за которыми интерес одного гражданина способен обратиться в антиинтерес другого гражданина. Причем не средствами гарантирования ответственности за правонарушение, а средствами исключения самой вероятности такого правонарушения.

О том, что возможности правоведения этой проблемы не решают, можно судить по тому, что, несмотря на значительное увеличение количества законов, реформы, охватывающие предварительное следствие, прокуратуру и суды, качество правопорядка кардинально не улучшили. Представляется, что по своему характеру и познавательным средствам это поле ныне остается недоступным для исследователей-правоведов. Доказательством тому является в том числе и то, что конфликты частных интересов граждан продолжают существовать, несмотря на увеличение количества законов, органов и процедур, гарантирующих ответственность за нарушенное право. И причиной является непререкаемый сейчас принцип, согласно которому, пока защищающее законный интерес человека право не нарушается, его защита не приобретает публичного значения. И именно этот момент переводит проблему в плоскость иного качества. При этом проблема продолжает оставаться юридической по уже названной причине, меняются лишь способ и момент начала ее разрешения. Есть основания полагать, что именно отсутствие исследовательского внимания к юридическим по своей природе проблемам государственного управления вновь и вновь воспроизводит проблему конфликта законных интересов россиян, несмотря на значительные усилия исследователей-правоведов. Иначе говоря, получается юридическая асимметрия: гарантия ответственности может быть обеспечена публичными средствами, а гарантия законного интереса – нет. И лишь созда-

¹⁹ Шамхалов Ф. Теория государственного управления. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2002. С. 342.

ние второго крыла юриспруденции – государствоведения может, как представляется, способствовать разрешению данной проблемы.

Весьма вероятно, что читающие эти строки теоретики менеджмента обрадуются признанию представителем юридической науки ограниченности возможностей средств правоправедения. И даже скажут, что их участие в разрешении этой проблемы к месту и вовремя. Однако их радость будет не только преждевременной, но и беспредметной. Интерес корпоративный, противопоставленный интересу частному, проблемы не снимет, а лишь деформирует и обострит ее. Так сегодня и происходит. В качестве способа, который разрешил бы проблемы гарантирования законных интересов россиян, теоретики менеджмента ничего кроме манипулирования со структурами и перечнем услуг, оказываемых государством, предложить не могут. Услуги действительно необходимо оказывать, но не гражданам и даже не государству. Их надо оказывать правопорядку. Причем правопорядку, в котором приемлемое для общества соответствие реального поведения граждан существующим нормативным ориентирам происходит не столько в связи с угрозой наступления ответственности за правонарушение, сколько в связи с условиями, обеспечивающими бесконфликтную реализацию прав и законных интересов граждан. И уж, конечно, не посредством укоренения корпоративных интересов, а посредством инициативного, ответственного и профессионального поддержания неприкосновенности границ правопорядка, за которыми один частный интерес может вступить в противоречие с другим частным интересом. И это проблема юридическая. И при этом, имеет смысл подчеркнуть, проблема государствоведения, поскольку гражданину следует создавать условия, при которых ему будет полезнее и удобнее соблюдать закон, а не нарушать его.

Представляется, что только с позиций государствоведения можно решить проблему оптимизации правопорядка не путем преследования за правонарушения и восстановления уже нарушенных прав, а путем создания условий, исключающих вероятность самого правонарушения. В том числе и в ситуации препятствования столкновению частных интересов.

Иными словами, белое пятно в пространстве взаимоотношений государства и гражданина на данный момент юридически обусловлено.

Именно его существование как раз и искушает исследователей явления государства, отрицающих не только возможности юриспруденции, но и собственно юридическую природу явления государства²⁰. Поэтому и предлагается воспользоваться для его освоения возможностями менеджмента и политологии. Но инициаторы таких предложений опять-таки не могут предложить ничего, кроме отождествления государства с организацией, преследующей собственную выгоду. И это притом, что, именно благодаря признанию существования собственной выгоды, в конструкцию государства-организации не вмещаются права и законные интересы гражданина. Вольная трактовка такой теоретической находки практически может выливаться, например, в уверения чиновников, что данное жилье не является ветхим потому, что так решили они сами, а вовсе не потому, что в таком жилье можно проживать. Взгляды таких, с позволения сказать, государствоведов не отличаются не только научной четкостью, но и здравым смыслом. Первопричиной этого является очевидная путаница, ставшая следствием неюридического отождествления теории государственной службы, административной науки и административно-государственного управления, а также административной науки²¹. Объектом научных притязаний такой комплексной науки предлагается считать государственное управление, государство как таковое, частью которого является государственная служба. А предметом – деятельность государственной службы, объективные законы и принципы государственного административного управления. Таким

²⁰ Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юристъ, 2000. С. 7–18, 82–101.

²¹ Граждан В.Д. Государственная гражданская служба: Учеб, пособие. М.: Изд-во «ЮрКнига», 2005.

образом, государственная служба идентифицируется одновременно и в качестве государственного управления, и качества государственного управления. Предполагается, что ее предметом предстает деятельность государственных органов. А точнее, деятельность государственных органов, чьи полномочия исполняют политические должностные лица. С позиций юридического государственного управления, сама возможность такого смешивания – нонсенс. Но дело не в этом. Дело том, что в результате именно такого подхода государственная служба и осуществляющие таковую чиновники обретают теоретические основания возможности благополучно удалиться от нужд и чаяний, оберегаемых их заботами людей, и предаться обеспечению собственного служебного благоденствия. Представляется, что именно этой причиной объясняется ограничение представителями этой концепции своих исследований проблемами манипулирования со структурами, процедурами и полномочиями органов, призванных гарантировать права и законные интересы россиян.

Юриспруденция в рамках такого запредельно менеджерского подхода к сущности государства объявляется беспрекословной служанкой государственности. Добавим от себя, следовательно, она и законы, какие скажут, напишет, и преступников во имя большой выгоды для больших людей оправдывает. Или назначит преступниками кого-то по их просьбе. Наши предшественники – юристы оправдывали конституционность во имя монархии. В уже упоминаемой работе Б. Чичерин писал: «Стремления демократии клонятся к чрезмерному преувеличению деятельности государства, которое представляется ей удобным орудием для присвоения себе благ, принадлежащих зажиточным классам». Не складываются ли теперь предпосылки к тому, что на позициях развития государственного управления в качестве неюридической области познания в самом ближайшем времени укоренятся предложения присоединиться к оправданию демократии в угоду олигархам, адресованные исследователям-юристам?

Чтобы это невнимание юристов к затронутой проблеме не способствовало превращению фигуры намеренного полемического обострения в окончательную юридическую реальность, необходимы юристы, готовые профессионально исследовать область государственного управления, а также юристы, способные профессионально, уполномоченно и ответственно гарантировать власть, понимаемую именно как воплощенное в закон доверие избирателей. Смысл деятельности таких специалистов – теоретическое освоение и практическое обеспечение законных интересов российских граждан, в какой бы ипостаси они ни выступали.

Представляется, что исследователи-юристы окажутся в состоянии воспринять достижения, предлагаемые теоретиками менеджмента, и признать, что выгода может преследоваться ответственными и уполномоченными чиновниками, обеспечивающими реализацию законных интересов. Правда, с поправкой на то, что с теоретических позиций юриспруденции выгода, обеспечиваемая в процессе их профессиональной, юридической по своей сути деятельности имеет специфическое содержание. Она – уже не выгода, а польза. Она – реализованный законный интерес. И государственные практики, получившие соответствующую юридическую квалификацию, смогут профессионально – ответственно и уполномоченно обеспечивать выгоду, понимаемую как казенную, служебную пользу, приносимую государством в процессе реализации гарантий благополучия российских граждан.

Идея построения правового государства воспринимается нашими российскими умами как безальтернативная. Повсеместно выражаемое общественное мнение уже сформировало отчетливые контуры стандарта представлений о способе ее реализации.

Вкратце эти представления можно свести к тому, что условием развития демократии общества и свободы личности является создание нормативного частотола, отгораживающего и тем самым защищающего каждого от всего и от всех. Образно говоря, всякий культурный россиянин обязан отчетливо себе представлять, что лишь облачившись в плотный правовой кокон, куколка демократических ожиданий воспарит наконец-то бабочкой подлин-

ной свободы физического и юридического лица. И исключений здесь быть не должно. Не выпадают здесь из общего ряда в большинстве своем и коллеги-юристы. Причем как теоретики, так и практики. Достаточно обратить внимание на то, что осуществление профессионального представительства обеих сторон в публичном судопроизводстве посредством адвокатов – практически реализованная юридическая перспектива.

Упомянутые явления тесно соседствуют с расширением правовых специализаций студентов-юристов и появлением множества факультетов и кафедр государственного и муниципального управления в неюридических по своему профилю учебных заведениях. Все вроде

бы логично: зачем гражданам нашего государства самим беспокоиться о собственном юридическом благополучии по-дилетантски и со всеми вытекающими из этого последствиями, если за это готовы взяться профессионалы? Ну, а коль скоро потребность назрела, естественны, во-первых, увеличение количества полезных в правовом государстве специалистов, а во-вторых, конкретизация полей их профессиональной деятельности. Что же здесь парадокс, способный привлечь внимание исследователя-юриста?

Начнем с примера. Сегодня наименование «институт (или факультет) государства и права» является практически синонимом наименования «юридический институт» (или факультет). Юриспруденция – область соответствующих специальных знаний навыков и умений, разумеется, специализированных по предмету и методологии. Но в стенах этих юридических по сути заведений не только прижились, но укоренились и процветают неюридические специальности. Почему?

Почему, например, юрист, изначально нацеливаемый на получение юридических познаний о государстве, обратился вскоре в юриста-менеджера, а затем и вовсе – в менеджера?

Менеджмент хорош в виде формы профессиональной квалификации и инструмента, проявляющего таковую. Средствами менеджмента достигается упорядоченность. Достижение упорядоченности – область, кажется, тесно соприкасающаяся с областью нормирования. И отсюда совсем недалеко до юриспруденции. Но границей, непреодолимо разделяющей юридическое государствоведение и менеджмент, выступает его нацеленность на обеспечение преференций для конкретной организации.

Смыслом деятельности менеджера предстает создание внутриорганизационных отношений между людьми, необходимых ей для извлечения прибыли и победы в конкурентной борьбе. Даже если оставить за пределами внимания конкуренцию и допустить какую-то возможность приравнивания прибыли и пользы, как мириться с обращенностью организующего начала внутрь упорядочивающего какой-то процесс коллектива? Ведь концентрация на собственном благополучии специалистов и руководителей государственного аппарата не что иное, как предпосылка коррупции.

Почему тогда государство фактически идентифицируется с обеспечиваемой средствами менеджмента организацией, и даже не рассматривается в качестве юридического по своей природе феномена? Ссылка на образовательные стандарты вряд ли является аргументом не только в научном, но и просто в профессиональном споре. Разумеется, речь идет о споре не как о способе подчеркивания собственной индивидуальности, а как о способе поиска лежащей в пределах именно юридического познания истины.

Право – феномен юридический. И это утверждение, пока во всяком случае, сомнениям не подвергается. Тогда почему не совсем юридической и даже совсем не юридической предполагается система координат, в которой оно существует? Речь идет, само собою, о государстве. Феномене, прежде всего, юридическом в своей сущности. Хотя исследовать этот феномен можно и с позиций какой угодно науки. Это утверждение уже получило некоторые аргументы, которые постепенно будут развиты и получат новые доказательства. Пока ограничимся привлечением образа-анalogии. Представим себе, например, что стало бы, если бы

безопасности дорожного движения мы добивались лишь посредством написания понятных и строгих правил и установлением отчетливо и однозначно воспринимаемых дорожных знаков. Но при этом мы совершенно не интересовались хотя бы тем, кто, как и из чего строит дороги и транспортные средства. И как подготовлены те, кто этими транспортными средствами управляют? Но не является ли предлагаемый прием фокусом, облегчающим подмену термина? Ведь правила и знаки – это одно, а транспортные средства и лица, ими управляющие, как и дороги, – совсем другое. Не следует ли из этого, что право и государство, как явления объективной реальности, пребывают в разных познавательных и профессиональных плоскостях? Нет. Если рассматривать комплекс правил и знаков как совокупность взаимодействующих ориентиров, системным качеством которой является безопасность дорожного движения. Да при этом не забыть, что сами эти ориентиры – отнюдь не аналог механизма обеспечения упоминаемого системного качества, которое в рамках этих ориентиров надо еще и как-то удерживать. Ну вот, мы наконец-то заговорили о государстве как о механизме и удерживании, как о необходимости. И сразу вспоминается... государство, есть машина для... принуждения... подавления... А ведь принуждение и подавление есть самые что ни на есть первые враги демократии. Справедливы ли после этого призывы к повсеместному сокращению влияния государства и сплошной менеджеризации современной российской государственности? Пожалуй, при означенной трактовке государства, – да.

А если продолжить представлять себе государство в качестве сочетания жизненно важного пространства, жизненно важных ресурсов и жизненно важных интересов? Причем прежде всего и для всех нас. Тогда получается совсем наоборот. Выделенные признаки, пожалуй, и являются одновременно основными ориентирами приемлемого для всех нас правопорядка, и нуждаются в мощном поддерживающем их механизме. Уже потому, что лишенный этих признаков правопорядок способен мешать жить всем нам. И это, пожалуй, один из основных парадоксов правопорядка. Ну хотя бы потому, что эти ориентиры, как и весь правопорядок, нужны всем нам вместе и никому в отдельности. Имеет смысл еще раз подчеркнуть, что правопорядок понимается здесь как некое соотношение реального и нормативно предлагаемого социально значимого поведения людей. Сердце такого механизма – государственное гарантирование власти, понимаемой здесь как феномен обращения избирательского доверия в обязательный закон. В этом случае государственное гарантирование власти, – решающее условие обеспечения правопорядка, сиречь обязательного исполнения закона.

Упомянутый парадокс правопорядка с неизбежностью предполагает существование чиновника, способного гарантировать власть, реализуемую в направлении ограничения и в направлении поддержки, именем государства и профессионально, т. е. возмездно, постоянно и на основе специально сформированных знаний, навыков и умений. Именно поэтому государственное ведение, как профессиональное и научно строгое знание о поддерживающей правопорядок машине, равно как умение профессионально ее эксплуатировать, является по своей сути юридической проблемой, разрешить которую можно лишь юридическими средствами. Причем в том числе и средствами государствоведческими.

Попытка разрешения обозначенных проблем только средствами правоведения, как представляется, и породила явления, способные вызвать любопытство профессионального исследователя-юриста. Имеет смысл также подчеркнуть, что и право в предлагаемом контексте способно предстать не столько возведенной в закон волей, сколько государственно-гарантированной системой жизненно важных для всех нас ориентиров. Остается уточнить, что государственность, в рамках предлагаемого подхода, способна предстать не только как организация взаимодействия правопорядка и поддерживающей его машины, но и как способ поддержки жизненно важных ожиданий человека, связанных с его пребыванием в условиях, создаваемых особым юридическим устройством. Кроме того, юридиче-

ское образование, развиваемое в направлении государствоведения, способно стать хорошей основой формирования квалификации юриста-руководителя. Обладатель такой квалификации сможет полнее представить гарантирующие возможности государства и разнообразнее их реализовать на порученном ему участке гарантирования возможностей государственного устройства. А это еще один аргумент в пользу поддержки потребности существования специальности и отрасли юридического познания – государствоведения.

§ 5. Государствоведение как средство раскрытия юридических возможностей оптимизации правопорядка

Правопорядок в правовом государстве: взгляды на способы и перспективы гарантирования. Правопорядок как сфера взаимоотношений гражданина и государства. Права человека и юридические пределы их гарантирования. Ответственность как способ гарантирования правопорядка. Частные и публичные способы гарантирования законного интереса. Публичное значение конфликта частных законных интересов. Возможности правоведения в области их разрешения. Возможности менеджмента в разрешении конфликта частных законных интересов. Принуждение и поддержка в оптимизации правопорядка. Юридические последствия неюридических подходов к проблеме гарантирования правопорядка.

Юридическое содержание профессионального гарантирования правопорядка. Профессиональный статус и профессиональная квалификация специалистов в области гарантирования правопорядка. Государственное гарантирование власти как профессионально реализуемое средство оптимизации правопорядка.

Государство юридически необходимо людям, чтобы максимально реализовать их ожидания, связанные с возможностями окружающего их пространства. Источником и условием существования таких возможностей предстает общее благо. Его образуют жизненно важные ресурсы, жизненно важное пространство занимаемой государством территории и жизненно важные интересы тех, кто на ней проживает.

С одной стороны, общее благо предстает объективной причиной объединения людей, у которых когда-то совпали представления о полезности окружающего их пространства.

С другой стороны, его существование гарантируется посредством объективно обусловленной упорядоченности человеческого сообщества, имеющей форму государства. Государство возникло не в одночасье и не вследствие чьей-то индивидуальной воли. Оно – вначале объективное следствие совпадения представлений людей об объединяющем всех благе в конкретное время и на конкретном пространстве. Затем, оно – решающее условие полезного согласованного сосуществования всех нас вместе и каждого из нас в отдельности. Эту идею, кстати, успешно апробировал профессор А.П. Ярков, с которым мы постоянно сотрудничаем, в своих исследованиях ранних проявлений исламской государственности на территории Сибири.

Воля и интеллект человека способны проявляться здесь в том, чтобы исследовать, подвергать научному осознанию объективное явление государства, понимаемого как юридическое устройство, способное превращать наши индивидуальные возможности в реализацию наших ожиданий. Юридическое явление государства нуждается в познании, а юридические познания о государстве нуждаются в профессиональной реализации.

Общее благо – еще и совокупный продукт реализации наших индивидуальных возможностей, олицетворяющих государство именно как юридическое явление. Государство – устройство, обеспечивающее жизненную для всех нас и для каждого из нас соразмерность наших индивидуальных возможностей и наших индивидуальных ожиданий, связываемых с ним. Равно, как и условий их реализации. Все перечисленные составляющие нуждаются в обеспечении соразмерности, иными словами – в юридическом участии.

Но создание условий реализации ожиданий людей в государстве не может быть сведено к поддержке наших намерений получить часть общего блага. Связь между наличием общего блага и ожиданием пользы, зависимой от его существования, гораздо сложнее. Государство, как уже отмечалось, – своего рода реактор, в котором наши индивидуальные сози-

дательные возможности с пользой для каждого из нас и всех нас вместе обращаются в реализацию наших индивидуальных ожиданий. Основопологающее юридическое условие работы такого реактора – поддержка соразмерности между нашими возможностями и нашими ожиданиями. Созданием законов, даже наряду с гарантированием ответственности в обеспечении такой соразмерности, здесь не обойтись. Иными словами, средства правоправления решения этой проблемы не обеспечивают.

Люди объединяют свои усилия во имя создания и существования общего блага. Они готовы отдавать ему *энергию* своих индивидуальных возможностей и способностей взамен на благополучие – своего рода *материю* реализации их индивидуальных ожиданий. Отдаваемые каждым в пользу общего блага индивидуальные возможности по объективным причинам качественно превышают свою собственную простую сумму. А получаемая в результате их взаимодействия материя – польза для каждого способна превышать ее субъективное ожидание. Иначе говоря, соразмерность взаимосвязи наших возможностей и наших ожиданий предполагает существование гарантируемой государством неприкосновенной части продукта, являющегося следствием объединения наших общих возможностей. Равно как и соразмерное вкладывание части этого продукта в создание условий, обеспечивающих реализацию наших общих и индивидуальных ожиданий. И это невозможно заметить с позиций правоправления.

Первопричиной существования взаимосвязанного превышения возможностей и ожиданий человека является системность разнообразия объединяемых человеческих возможностей, как и системность разнообразия реализации человеческих ожиданий. Подобно тому, как современный жилой дом создается в процессе соразмерной реализации индивидуальных и профессиональных возможностей многих людей, из которых именно в жилье может не нуждаться никто из специалистов, причастных к его строительству.

Власть в такой юридической конструкции способствует превращению человеческих возможностей в реализацию человеческих ожиданий. Поэтому существо любого государства, именно юридическое устройство, – профессионально реализуемый на основе специальных познаний способ системного проявления соразмерности индивидуальных человеческих возможностей и ожиданий. В качестве устройства, обеспечивающего системность взаимодействия обменных возможностей человека и окружающего его пространства, оно объективно необходимо. Необходимо именно как производство условий, обеспечивающих материализацию ожиданий человека в ответ на отдаваемые им индивидуальные возможности. Проявление власти в таком устройстве подобно управлению сложным механизмом. Точнее, управлению, предполагающему обязательное наличие определенных профессиональных навыков и ответственное их применение.

С другой стороны, власть должна так профессионально грамотно эксплуатировать свойства государства, чтобы оно не утрачивало себя как юридическое устройство. И в полной мере это решающее условие заметно и объяснимо лишь с позиций нового направления юридической науки – государствоведения.

В предлагаемой постановке вопроса коррупция, с позиций именно юридического государствоведения, – присвоенная государственная власть, реализуемая непрофессионально и не в соответствии со своей объективной сущностью.

Парадокс непрофессионализма коррупционера заключен не в том, что он не представляет себе возможности доверенного ему обществом инструмента – власти. Как и не в том, что на применение этого инструмента ему недостает оказанного народом доверия. Его непрофессионализм заключается в том, что получаемая им выгода не является вознаграждением за реализованную им квалификацию. Причем, как по признаку направления реализации его квалификации, так и по признаку отсутствия самой возможности соответствия вознаграждения характеру ее реализации.

Коррупция – не только явление, не отвечающее объективному предназначению государства. Это, во-первых, способ, обеспечивающий возможность корыстного присваивания чужих индивидуальных человеческих ожиданий. Во-вторых, что самое губительное, это способ превращения в ненужность индивидуальных человеческих возможностей. Это способ умышленного уничтожения юридических свойств государства. Иными словами, если власть становится собственностью, утрачивается сама возможность гарантирования соразмерности превращения индивидуальных возможностей в реализацию индивидуальных ожиданий, а государство утрачивается как юридическое устройство.

В реактор государства, где власть обращена в собственность, не притекает необходимого количества элементарных частиц индивидуальных человеческих возможностей. Это уменьшает разнообразие и количество материализуемых ожиданий. И дальше начинается цепная реакция.

Сначала происходит силовое ограничение разнообразия ожиданий и количества ожидающих.

Потом возникает необходимость создания гарантий на получение все уменьшающегося разнообразия материализуемых ожиданий. Поскольку такой универсальной гарантией выступают деньги, начинается гарантирование делания денег.

Сегодня коррупция, проявляющая себя как собственность на власть, стала проигрывать коррупции, проявляющей себя как аккумулятор обобщаемых уже *в межгосударственном пространстве* денег и других абстрактных ценностей.

Поэтому коррупция, проявляющаяся как продавание и покупайте присвоенной государственной власти – не причина, а следствие. В том числе и следствие отсутствия в юриспруденции теоретического и практического государствоведения.

В связи с этим нелишне еще раз подчеркнуть, что юриспруденция прежде всего – теория и практика соотношения с мерой. Мера ответственности каждого из нас перед всеми нами и каждого из нас перед каждым из нас обеспечивается юридическими средствами – средствами правоведения. Мера взаимосвязанных притязаний каждого из нас среди всех нас вполне могут обеспечить также специальные юридические средства – средства государствоведения. И чем скорее государствоведение проявится как самостоятельное направление юриспруденции, тем скорее будут выявлены и устранены условия существования коррупции.

Содержание юриспруденции, как уже отмечалось, имеет две трактовки. Согласно одной область этой науки и практики не связана только с правом.

Развитие этой трактовки формирует юридическую науку как систему получения и накопления знаний о праве. При этом право представляется в качестве особой системы социальных норм, охватывающей не только собственно право, правовую систему, но и государство. Приверженцы этой позиции считают, что право способно отражаться в совокупности официально устанавливаемых норм. И официальность этих норм обеспечивается принудительной силой государства, без которой они не способны сыграть свою роль.

Другая теоретическая модель юриспруденции построена на буквальной трактовке базового для нее понятия, тесно связана со смыслом термина «юрист»: специалист в определенной отрасли юридической науки или юридической практики, правовец; практический деятель в области права, имеющий юридическое образование.

Даже в самой смысловой конструкции ее базовой формулировки можно отыскать основания для сомнения в ее безупречности. И усматриваются они уже в том, что содержащееся в ней понятие «юрист» уточняется следом как «правовец». Из этого следует, во-первых, что такое уточнение необходимо в силу особого значения явления права в юриспруденции, а во-вторых, что к этому явлению невозможно свести весь комплекс теоретических представлений о юриспруденции. Опосредованным следствием строгого соблюдения рамок рассматри-

ваемой концепции является также и то, что адекватное наименование базовой юридической учебной дисциплины, как и соответствующей научной специальности – «Теория государства и права», вынуждает ее сторонников во имя соблюдения чистоты избранного направления не замечать очевидного, а то и вовсе признавать таковую вынужденным в условиях тоталитаризма заблуждением. Именно в отношении явления государства.

В качестве дополнительного аргумента в обоснование высказанного мнения можно еще раз вспомнить определение юстиции, толкуемое как справедливость, законность, а также обозначение всей совокупности органов, составляющих всю судебную систему, их деятельность по осуществлению правосудия, а также судебное ведомство.

Упоминание о деятельности по осуществлению правосудия как об атрибуте юстиции, содержащееся в этом определении, отражает объективную необходимость взаимодействия государства и права для обеспечения соответствия реального социально значимого поведения граждан официальным правовым предписаниям.

И не только это. Есть еще одно, едва ли не более значимое основание для возражений против чрезмерно зауженного понятия «юриспруденция». Его суть можно свести к тому, что юриспруденция может быть определена как теория и практика соотношения с мерой. И не только мерой ответственности каждого перед всеми, обеспечиваемой средствами правоведения, но и мерой взаимных притязаний каждого среди всех, которую предлагается ныне обеспечивать средствами политологии, теории организаций, теории менеджмента и экономики. Признавая значение перечисленных отраслей гуманитарного познания, имеет смысл обратить внимание на то, что все они, именно в силу своей познавательной направленности способны отслеживать лишь политологические, социологические и прочие следствия проявления государства. И, как ни парадоксально, не касаться при этом собственно явления государства. Тогда как собственно государство было и остается по сути своей явлением юридическим. Устройством, обеспечивающим реализацию меры. Устройством, конструированием и практической эксплуатацией которого могли бы заняться юристы особой, пока не предусмотренной официальным реестром, специализации. В силу политологической, социологической, экономической и менеджерской опосредованности, юридические представления о государстве не только искажаются, но и запаздывают до полной их практической неприменимости. Есть определенные основания полагать, что по этой причине, в первую очередь, существует потребность в юристах специализированных в области государствоведения.

Высказанные соображения о содержании этой специализации были изложены автором данной книги в виде паспорта научной специальности. В настоящее время они приняты и поддержаны Академией российских энциклопедий. Содержание этого паспорта имеет смысл здесь привести.

Представляется, что «государствоведение» – равнозначное по содержанию правоведению направление юриспруденции, формирующее весь круг знаний о государстве, обеспечивающее, наряду со знаниями о праве, системность юридической науки и практики.

1. Основными задачами государствоведения являются:

– изучение достигнутого различными отраслями юридической науки уровня развития представлений о государстве, как юридическом по своей природе феномене, обеспечивающем гарантии частных и публичных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц;

– синтез различных отраслей юридических знаний о государстве, обеспечивающих их системность;

– научный анализ явлений и процессов, образующих современную российскую государственность как юридическую систему, с целью их адекватного описания, объяснения, а также установления научно обоснованных путей и средств их совершенствования;

– выявление, изучение и совершенствование современных методов сравнительного государствоведения в интересах дальнейшего развития науки правообеспечительного управления, теории распорядительства, государственного строительства, истории администрирования, административных гарантий публичного и частного права, служебных регламентов, правообеспечительных технологий, технологий государственного гарантирования власти, а также других отраслей юриспруденции (в частности, юридическое устройство государства, юридическая теория государства; теория государственной власти и теория государственного гарантирования власти), обеспечивающих системность представлений о государстве и юридических гарантиях, обеспечиваемых его ресурсами;

– формирование научной основы для международного взаимодействия исследователей в этой области познания;

– межотраслевой подход и органическое соединение общих базовых положений юридических наук, предопределяющие неизбежность появления государствоведческого направления в юриспруденции.

2. *Области исследования:*

– разработка общетеоретических основ государствоведения как нового научного направления развития юриспруденции;

– выявление, исследование и разрешение проблем соотношения и взаимодействия правоведения и государствоведения в юриспруденции;

– научная оценка, систематизация и совершенствование существующих, создание и применение новых современных специальных методов и методик исследования в области государствоведения;

– применение новейших достижений юридических наук для выявления и разрешения наиболее значимых проблем государства, обеспечивающего гарантии обществу, человеку, природе;

– выявление объективно действующих законов формирования теоретических моделей государственного устройства, обеспечивающего возможность эффективной реализации роли государства, гарантирующего частные и публичные права и законные интересы его граждан, а также лиц иного статуса, независимо от роли, в которой они проявляются относительно государства и друг друга;

– определение юридических путей методов и средств государственного строительства, обеспечивающих эффективную реализацию государственных гарантий частных и публичных прав и законных интересов;

– научная оценка существующих и разработка новых подходов к выявлению и исследованию юридической природы и проблем соотношения власти, распорядительства и управления как феноменов проявления государственности;

– выявление и научная оценка природы, содержания и проявления функций государства, а также проблем совершенствования их реализации;

– научная оценка государственной службы, как способа реализации государственных функций, а также проблемы ее организации и совершенствования;

– интеграция возможностей государствоведческой юридической науки для комплексного системного решения проблемы оптимизации правопорядка посредством реализации возможностей государства;

– научная оценка существующих и разработка новых приемов и средств управления вероятностью проявления определенных моделей социально значимого поведения (правообеспечительное управление);

– технологии выявления реально существующих условий и создания практически пригодного инструментария, а также специальных методик, необходимых для реализации кон-

кретных моделей социально значимого поведения людей (правообеспечительные технологии).

– технологии выявления реально существующих условий и создания практически пригодного инструментария, а также специальных методик, необходимых для реализации конкретных моделей гарантирования ожиданий людей, связанных с их пребыванием в государстве (технологии государственного гарантирования власти).

3. Отрасли наук, по которым присуждаются ученые степени:

- государственное устройство и государственное строительство;
- государственная власть и государственная служба;
- государственное распорядительство и администрирование;
- административные (служебные) регламенты и процедуры;
- правообеспечительное управление; правообеспечительные технологии;
- государственное гарантирование власти; технологии государственного гарантирования власти.

§ 6. Государствоведение как область юридической практики

Притязания и ответственность как предметы государственного гарантирования. Соразмерность как основа юридического подобия явлений государства и права. Препятствование и поддержка как юридические способы гарантирования соразмерности в сфере правопорядка. Возможности социологии, политологии, теории организаций, теории менеджмента и экономики в области гарантирования правопорядка. Юридическое государствоведение как область познания взаимосвязанных возможностей государства и права в области оптимизации правопорядка. Объект и предмет юридического государствоведения. Задачи государствоведения. Области исследования государствоведения. Направления развития теории и практики государствоведения.

В подходе к научному определению содержания юриспруденции проявляются две тенденции, характеристики которых уже приводились²².

Тем не менее при освещении данного вопроса стоит еще раз обратить внимание на то, что справедливость в определении юриспруденции упоминается наряду с законностью.

Фактически это попытка проникновения в сущность проблемы сведения гарантирования прав человека к возрастанию объема правотворчества. И, наряду с этим, в сущность проблемы гарантирования законных интересов человека посредством ограничения сферы государственного участия в поддержке ожиданий человека, связанных с его пребыванием в государстве.

Этот прием необходим, чтобы объяснить глубину и значение юридической связи между правом, справедливостью и качествами правопорядка, проявление которых связано с профессиональной реализацией юридических свойств государства. Такая задача посильна лишь для специалиста – государствоведа. Именно такой специалист сможет перевести представления о справедливости из области нормативно зафиксированных абстракций в сферу конкретно выявляемых, динамичных, очевидных и надежно обеспеченных соразмерностей.

Упоминание о деятельности по осуществлению правосудия как об атрибуте юстиции, уже приводившееся на страницах этой книги, отражает объективную необходимость взаимодействия государства и права для обеспечения соответствия реального, значимого для всех граждан поведения, официальным нормативным правовым предписаниям. Но эта форма существования связи государства и права не является единственной. Скорее всего, она проявляется как последнее средство гарантирования юридической гармонии в государственном устройстве. Действительно, правосудие проецирует в одной юридической плоскости права человека и соответствующие профессиональные возможности специалистов, реализующих свою квалификацию в органах, являющихся равноценными атрибутами государства²³. Но правосудие осуществляется посредством длинной цепочки юридической обусловленности. В качестве звеньев этой цепочки вступают правовая норма, нарушение закона, наличие связи этого нарушения с деянием конкретного лица и наступившим вредом, наличие связи восстанавливающего воздействия с гарантиями удерживания от подобных нарушений впредь. Иными словами, обеспечение этой связи, косвенно влияющей на состояние правопорядка, связано со многими «если». И чем длиннее эта цепочка, тем меньшей надежностью она обладает.

²² Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 948–952.

²³ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 669–670.

Есть тут еще одно «но». Судебное решение воздействует на человека как сила, существующая вне человека, которого оно коснулась, и связь между результатом проявления этой силы и реакцией человека на него неоднозначна. А это фактически еще одно звено в нашей цепочке юридической обусловленности. Специалист – государствовед способен укоротить эту цепочку. Для него она состоит из двух звеньев – поведение человека и формирующие его условия. Но главное, в его профессиональных возможностях превратить обусловленность взаимосвязи между нормативно предлагаемым и реальным поведением человека из силы внешней в силу внутреннюю.

Закон, вне всякого сомнения, – принятый в любом порядке первичный правовой акт по основным вопросам жизни государства. Вне сомнения и то, что он обладает высшей юридической силой²⁴.

Но можно ли в связи с этим ограничиваться отождествлением справедливости, правосудия и собственно государственной гарантией воли? Разумеется, нет. Хотя бы потому, что от сочетания индивидуальной и государственной воли гораздо больше пользы, чем от ее противопоставления.

Вспомним еще раз, что правопорядок – составная часть общественного порядка, формирующегося в результате регулятивного воздействия разных социальных норм. Результат действия правовых норм представляет собою определенное состояние упорядоченности общественных отношений²⁵.

Приведенное определение предполагает, что правопорядок, как особого рода явление, развивается во времени и вмешательство органов юстиции, равно как и органов охраны правопорядка, происходит лишь в том случае, если таковой приобретает вид правонарушения или преступления. Такая юридическая связь своей структурой предопределена проявляться как принудительная и поэтому требующая серьезной юридической атрибутики при ее осуществлении в условиях правового государства. Юрист-государствовед способен выявить и привлечь поддерживающий потенциал юридической связи между человеком и государством. Привлечение такого потенциала снимет противоречие между проявлением государственной воли и правами человека. Более того, обратит человека и государство в таких ситуациях из антагонистов, ищущих аргументы в собственном противостоянии, в партнеров, создающих общую платформу для полезного сотрудничества.

Любой результат социально значимого поведения человека в пространстве государства существует вначале только как собственная вероятность. И пока вероятность не обратится в результат, она пока юридически невидима для гарантирующих правопорядок структур. Хорошо, что это не единственно возможное состояние существования и взаимосвязи проявления социально значимого поведения человека и официальной реакции государства на такое проявление. Причем именно потому, что такое поведение всегда результат объективной обусловленности. Выявляя эту обусловленность, специалист в области юридического государствоведения не только обеспечит проявление предпосылок такого поведения, но и создаст возможность его целенаправленной коррекции. Более того, синхронно наблюдая предпосылки социально значимого поведения, такой специалист сможет профессионально конструировать опережающую обусловленность не только поведения обычных граждан, но и других специалистов, гарантирующих ожидания граждан, связанные с их пребыванием в государстве. Именно поэтому можно и нужно говорить о государственных гарантиях правопорядка, понимаемых как профессиональное и компетентное снижение самой вероятности правонарушения в любых областях существования правоотношений. И гарантиях

²⁴ Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 218.

²⁵ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 678.

профессиональной поддержки ожиданий граждан, обеспечивающей полноценную реализацию их созидательного потенциала.

Управление вероятностью правонарушения, как и вероятностью реализации ожидания от пребывания в государстве, неизбежно требует глубоких специальных юридических познаний.

Такое влияние на правопорядок и реализуемость государственной поддержки профессионально способны оказывать лишь юристы особой специализации, вооруженные специальными познаниями. Именно юристы, потому что знания о природе развития социально значимого поведения, основными ориентирами для которого являются норма права или законный интерес, по своей природе являются именно юридическими. К тому же только в результате их деятельности может быть осуществлена полноценная своевременная коррекция поведения, имеющего значение для всего общества.

Лишь профессионалам, обладающим полноценными знаниями о юридическом явлении государства, по-настоящему будут посильны не только гарантии законности, понимаемые именно как обусловленная ответственность,²⁶ но и обеспечение законного интереса, понимаемого, прежде всего, как поддержка, обращающая ожидания каждого из нас от пребывания в государстве в реальную пользу.

Государственное гарантирование власти обеспечивает возможность постоянной оценки того, насколько государственная власть ее конкретном проявлении в данной конкретной ситуации соответствует своему статусу обращенного в закон доверия избирателей. Оно оптимизирует взаимоотношения всех пребывающих в юридическом пространстве государства и тем самым справедливость обмена возможностей человека и окружающего его пространства.

Средствами правоправедения познается и практически обеспечивается (гарантируется посредством профессионально и уполномоченно осуществляемой юридической деятельности) лишь мера ответственности каждого, пребывающего в юридическом пространстве государства.

Вместе с тем в государственном гарантировании нуждаются и наши ожидания от пребывания в юридическом пространстве государства. Эту новую область юридической теории и практики предстоит практически освоить.

По своей сути государство – юридическая конструкция, создаваемая для объединения усилий людей, пребывающих в одном пространстве.

Она необходима для увеличения объема пользы каждому от ресурсов данного пространства.

Эта польза получается взамен на вклад каждого в пользу поддержания способности конструкции государства предоставлять таковую соразмерно его ожиданиям и уступкам.

Есть определенные основания полагать, что государство, помимо прочего, появилось как устройство, предназначенное закрепить оптимум организации человеческих сообществ, путем гарантирования справедливости реализуемой государством ответственности и поддержки.

Устройство государства соответствует своему предназначению до тех пор, пока оно способно чутко улавливать обусловленность эволюции и адекватно на нее реагировать, обеспечивая сложение условий, позитивно влияющих на благополучие человека в развивающемся государстве и вычитание негативов, которые являются антагонистами условий, позитивно влияющих на благополучие человека в государстве.

Юридическая природа конструкции государства объективна. В полной мере развитие государства возможно лишь при отсутствии препятствий для реализации индивидуаль-

²⁶ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 176.

ной человеческой созидательности, обмениваемой на ожидаемую поддержку. Распознать и нейтрализовать такие препятствия смогут только профессионально подготовленные юристы-государствоведы.

Участие большинства людей в управлении государством заключается в проявлении потребностей. Потребность способна предшествовать своему официальному оформлению в государстве. Но профессиональному гарантированию такой потребности неизбежно должно предшествовать ее проявление в поле деятельности профессионала. Доступность для профессионального воздействия в сочетании с наглядностью последствий такого воздействия на этом поле предстает в контексте практического государствоведения не только способом достижения адекватности оценки профессиональной квалификации специалиста, но и формой проявления созидательного взаимодействия между гражданами и государством. Все это – аргументы в пользу практического значения профессионального познания и проявления юридических свойств государства.

Государство – способ организации созидательных взаимоотношений людей. Созидательность этих взаимоотношений юридически может быть обеспечена посредством поддержки отношений, полезных для каждого человека и всего сообщества людей, обустроенного в государстве, а также посредством симметричного этой поддержке противодействия развитию их противоположности. Право – система ориентиров в таких отношениях. Однако отношения между юридическими явлениями государства и права гораздо глубже и сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.